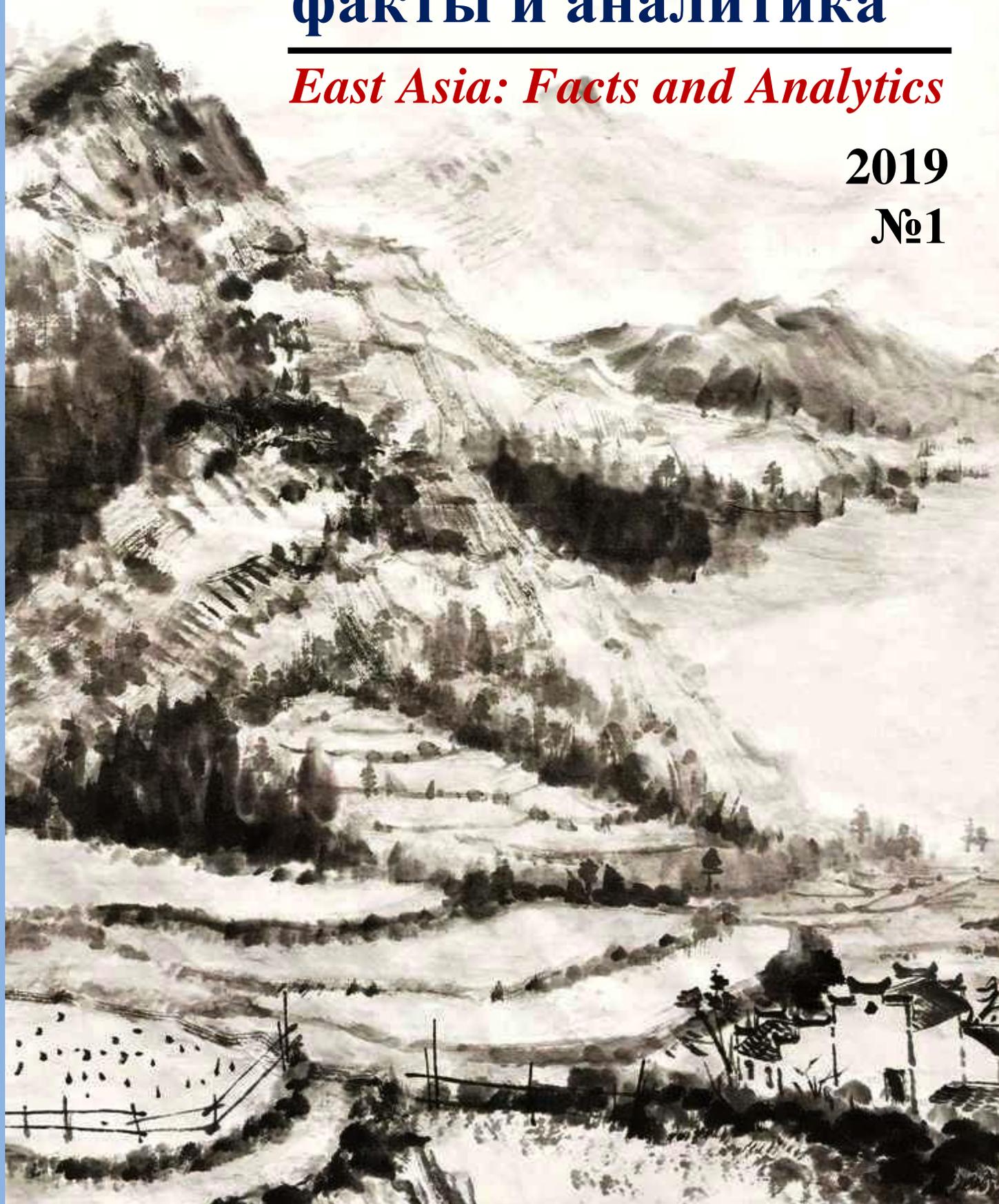

Восточная Азия: факты и аналитика

East Asia: Facts and Analytics

2019

№1

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
(ИДВ РАН)

www.ifes-ras.ru

Электронный научный информационно-аналитический журнал «Восточная Азия: факты и аналитика» издаётся ежеквартально с 2019 г. Журнал предполагает освещение широкого круга научных проблем стран Восточной и Юго-Восточной Азии, включая вопросы внутренней и внешней политики, экономики и общества, истории, литературы и языкознания, культуры и религии. Издание представляет информационно-аналитические материалы, посвященные экономическим, политическим, социальным и культурным процессам в регионе. Все научные статьи рецензируются.

Учредитель: ИДВ РАН.

URL: <http://www.ifes-ras.ru/ea>

Главный редактор: Горчакова Т.Е., к.э.н.

Редакционный совет: Виноградов А.В., д.полит.н.; Жебин А.З., к.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Лузянин С.Г., д.и.н.; Мазырин В.М., д.э.н.; Островский А.В., д.э.н.; Сафронова Е.И., к.э.н.; Уянаев С.В., к.и.н.

Редакционная коллегия: Афонасьева А.В., к.э.н.; Донченко А.И., Казаков О.И. (*отв. секретарь*); Кобелев Е.В., к.и.н.; Надточенко Б.Я.

Редакция: Аубекирова Е.С., Богданова А.Н., Кирюхина И.В., Потапова В.А.

Отрасли науки:

04.00.00 Социология
11.25.91 Теория и практика международных отношений,
внешняя политика и дипломатия отдельных стран
06.51.00 Мировое хозяйство. Международные
экономические отношения
23.00.00 Комплексное изучение отдельных стран и регионов
24.00.00 Культурология

Обложка: картина А.И. Донченко в стиле *гохуа*.

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

© Коллектив авторов
© ИДВ РАН

**Institute of Far Eastern Studies,
Russian Academy of Sciences
(IFES RAS)**
www.ifes-ras.ru

The electronic scientific information and analytical periodical “East Asia: Facts and Analytics” is published quarterly since 2019. The edition assumes the coverage of the widest range of scientific problems of the East and Southeast Asian countries, including the issues of domestic and foreign policy, economy and society, history, literature and linguistics, culture and religion. The periodical provides information and analytical material focusing on economic, political, social and cultural processes in the region. All academic articles are peer-reviewed.

Founders of the Journal: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences.
URL: <http://www.ifes-ras.ru/ea>

Editor-in-chief: Gorchakova Tatiana E., PhD (Economics)

Editorial Council: Kistanov Valerii O., DSc (History); Luzianin Sergei G., DSc (History); Mazyrin Vladimir M., DSc (Economics); Ostrovskii Andrey V., DSc (Economics); Safronova Elena I., PhD (Economics); Uyanaev Sergei V., PhD (History); Vinogradov Andrey V., DSc (Political Science); Zhebin Aleksandr Z., PhD (History)

Editorial Board: Afonaseva Alina V., PhD (Economics); Donchenko Anna I.; Kazakov Oleg I. (*Executive Secretary*); Kobelev Evgeni V., PhD (History); Nadtochenko Boris Ya.

Editors Office: Aubekirova Elena S.; Bogdanova Anna N.; Kiryukhina Irina V.; Potapova Vera A.

Branch of science
(in the Russian Federation):

04.00.00 Sociology
11.25.91 Theory and Practice of International Relations, Internal Policy and Diplomacy of Selected Countries
06.51.00 World Economy. International Economic Relations
23.00.00 Comprehensive Study of Selected Countries and Regions.
24.00.00 Cultural Studies

The cover: the painting of Donchenko Anna I. in *guohua* style.

The authors' opinion may not coincide with the Editorial Board's point of view.

© Team of authors

© IFES RAS

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ: ФАКТЫ И АНАЛИТИКА 2019, № 1

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствие главного редактора.....	6
Жебин А.З. Корея: денуклеаризация в обмен на нормализацию?.....	7
Бурова Е.С. Тенденции развития туристической отрасли Камбоджи.....	15
Казаков О.И. Об отношении японцев к другим странам и россиянам к Японии в 2018 году.....	24
Вакилова В.Р. Сотрудничество Китая и России в Центральной Азии: партнёры или конкуренты?	37
Донченко А.И. Влияние даосской философии на искусство китайской каллиграфии.....	47
Мальшева А.В. Основные этапы исследования частей речи китайского языка в западном языкознании.....	56
Грунина О.Н. Размышления о полноценности поэтического перевода (ранние переводы классической японской поэзии на русский язык)	71
Новые книги	78

EAST ASIA: FACTS AND ANALYTICS 2019, NO. 1

CONTENTS

Welcoming greeting of the Chief Editor Tatiana Gorchakova	6
Zhebin A.Z. Korea: denuclearization in exchange for normalization?.....	7
Burova E.S. The tendencies of Cambodian tourism development	15
Kazakov O.I. The attitude of the Japanese to other countries and the Russians to Japan in 2018	24
Vakilova V.R. China-Russia cooperation in Central Asia: partners or competitors?.....	37
Donchenko A.I. The influence of Taoist philosophy on the art of Chinese calligraphy	47
Malysheva A.V. The main stages of the study of parts of the speech of the Chinese language in Western linguistics	56
Grunina O.N. Reflections on the usefulness of poetic translation (early classical Japanese poetry in Russian)	71
<i>New books</i>	78

Приветствие главного редактора

Дорогие друзья и коллеги!

Перед вами первый номер электронного научно-информационно-аналитического журнала «Восточная Азия: факты и аналитика», который Центр научной информации и документации Института Дальнего Востока РАН планирует издавать ежеквартально с 2019 г. Журнал двуязычный, будем размещать статьи на русском и английском языках. Интернет-адрес издания: www.ifes-ras.ru/ea.

Журнал предполагает освещение широкого круга проблем стран Восточной и Юго-Восточной Азии, включая вопросы внутренней и внешней политики, экономики и общества, истории, литературы, языкознания, культуры и религии. Издание будет знакомить читателей с информационно-аналитическими материалами, посвященными экономическим, политическим,

социальным и культурным процессам в регионе.

Основной акцент мы планируем сделать на странах, которые изучаются в ИДВ РАН: это Китай, Республика Корея, КНДР, Япония, Вьетнам и другие страны АСЕАН.

Также в рубрике «Новые книги» будем знакомить читателей с выходящими в ИДВ РАН научными изданиями.

Приглашаем учёных из других организаций и стран, особенно молодых учёных, принять участие в наполнении нашего журнала.

***Татьяна Горчакова, к.э.н.,
руководитель Центра научной
информации и документации,
ведущий научный сотрудник ИДВ РАН***

Welcoming greeting of the Chief Editor

Dear colleagues and friends!

Let me present you with the first issue of the electronic scientific information and analytical Journal “East Asia: Facts and Analytics”, which the Centre for Scientific information and Records of the Institute of Far Eastern Studies schedules to issue on a quarterly basis since 2019. The Journal is bilingual. We plan to publish the articles in the Russian and English languages. The website of the edition is www.ifes-ras.ru/ea.

The Journal covers a wide range of problems in East and South-East Asia, including internal and foreign policy, economy and society, history, literature, linguistics, culture and religion. The edition will acquaint the readers with the informational and analytical materials on economic, political, social and cultural processes in the region.

We intend to focus on the countries that are researched in the RAS Institute of Far Eastern Studies. They are China, the Republic of Korea, North Korea, Japan, Vietnam and other ASEAN countries.

Under the heading “New books” we will also acquaint the readers with the scientific editions launched in IFES RAS.

We invite the scientists from other organizations and countries, especially young scientists, to participate in our project and fill in the content of our Journal.

***Tatiana Gorchakova, PhD (Economics),
Head of the Center for Scientific
Information and Records,
Leading Research Fellow, IFES RAS***

Корея: денуклеаризация в обмен на нормализацию?

А.З. Жебин

Аннотация. В статье рассматриваются причины, побудившие Президента США Д. Трампа и Председателя Госсовета КНДР Ким Чен Ына всего лишь четыре месяца спустя после неудачного саммита в Ханое вновь встретиться в Пханмунчжоме, в демилитаризованной зоне между Северной и Южной Кореей. Анализируются возможные позиции сторон на переговорах на рабочем уровне, которые согласились начать оба лидера в ближайшее время, предлагаются некоторые оценки перспектив отказа КНДР от ядерного оружия, обращается внимание на трудности, с которыми стороны столкнутся при реализации любых вариантов денуклеаризации.

Ключевые слова: США, КНДР, ядерная проблема Корейского полуострова, переговоры.

Автор: Жебин Александр Захарович, руководитель Центра корейских исследований, Институт Дальнего Востока РАН. ORCID: 0000-0002-3060-2390; E-mail: alexzheb1948@gmail.com

Korea: denuclearization in exchange for normalization?

A.Z. Zhebin

Abstract. The article discusses the reasons behind meeting again in Panmunjom, in the demilitarized zone between North and South Korea for the U.S. President D.Trump and Chairman of the DPRK State Affairs Commission Kim Jong-un just four months after the failed summit in Hanoi. The possible positions of the parties in the negotiations at the working level, which both leaders agreed to start in the near future are also analyzed. Some assessments of the prospects for the DPRK's renunciation of nuclear weapons are also offered. The attention is drawn to the difficulties that the parties will face in the implementation of any options for denuclearization.

Keywords: USA, North Korea, nuclear problem of the Korean Peninsula, negotiations.

Author: Zhebin Alexander Z., head of the Center for Korean studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-3060-2390; E-mail: alexzheb1948@gmail.com

Встреча Президента США Д. Трампа и Председателя Госсовета КНДР Ким Чен Ына 30 июня 2019 г. в Пханмунчжоме, имевшая все признаки политического шоу и столь ярко показавшая миру сходство психологических портретов этих лидеров, тем не менее, возродила надежду на продолжение переговорного процесса по урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова (ЯПКП).

В госдепартаменте США поспешили уточнить, что событие, произошедшее в демилитаризованной зоне между Северной и Южной Кореей, было именно «встречей», а не «саммитом» [Yonhap, 10.07.2019]. Возможно, это название берегут до того момента, когда

лидеры двух стран смогут подписать какой-то документ. Пока же главным результатом встречи объявлена достигнутая на ней договоренность начать переговоры на рабочем уровне для выработки будущего соглашения [M. Pompeo Remarks to Press, 30.06.2019].

Судя по всему, именно отсутствие такого хорошо проработанного и согласованного документа стало одной из главных причин неудачного завершения вроде бы неплохо начавшегося второго американо-северокорейского саммита 27–28 февраля 2019 г. в Ханое. Это обстоятельство и позволило советнику президента США по национальной безопасности Дж. Болтону и (как утверждают западные СМИ) госсекретарю США М. Помпео выдвинуть в Ханое требования, которые были не только явно завышены, но главное – в корне противоречили основам северокорейского подхода к решению проблемы, которую в Пхеньяне предпочитали урегулировать постепенно, путем взаимных уступок.

Неутешительные итоги встречи в Ханое и демонстративная пауза, взятая сторонами в диалоге на тему реализации Сингапурских договоренностей, породили ощущение тупика, чреватого возвращением к ситуации 2017 г. Было заметно, что после Ханоя обе стороны предпочли избрать тактику повышения ставок с целью обеспечения лучших переговорных позиций.

Так, США, со своей стороны, продолжили свою линию оказания «максимального давления» не только на КНДР, но и на иностранные компании и банки, в том числе Китая и России, которые подозревались в проведении транзакций в пользу северокорейских юридических и физических лиц. Более того, госдепартамент США в июне 2019 г. объявил награду до 5 млн долл. любому человеку в мире, который предоставит американцам информацию о том, как Северной Корее удаётся обходить санкции [North Korea: A Month in Review]. Наконец, фактически накануне встречи в Пханмунчжоме, 21 июня президент Д. Трамп продлил ещё на один год весь пакет американских санкций в отношении КНДР [Trump extends North Korea...].

Со своей стороны, в апреле 2019 г. Ким Чен Ын предупредил, что «позиция КНДР не изменится ни на йоту», и он будет ждать изменений в подходе США до конца текущего года, после чего сделает соответствующий выбор [Bloomberg, 16.04.2019]. В следующем месяце КНДР провела пуски ракет малой дальности, которые в Вашингтоне и Сеуле, видимо, чтобы не сжигать мосты, предпочли проигнорировать, тем более что Пхеньян никогда не обещал, что испытания таких ракет он проводить не будет.

Надо отдать должное политическому чутью обоих лидеров – Д. Трампа и Ким Чен Ына. К июлю 2019 г. стало ясно, что ситуация находится на распутье. Состоявшийся в июне обмен «любовными письмами» между ними, содержание которых удостоилось превосходных оценок со стороны каждого из получателей, свидетельствовал о желании поправить ситуацию. Оба руководителя к этому моменту уже инвестировали слишком много личного и политического капитала в совместный проект, который можно было бы назвать «Денуклеаризация в обмен на нормализацию».

То, что они даже после неудачи в Ханое продолжали воздерживаться от личных нападок, которыми был так богат 2017 г., свидетельствовало о том, что оба лидера хотели бы сохранить возможность для продолжения диалога. Это вполне понятно. Ведь те причины, которые привели их в Ханой, никуда не исчезли.

США добиваются ядерного разоружения КНДР не только потому, что побаиваются того, что как бы «непредсказуемые» северокорейцы не нанесли ракетно-ядерный удар по

американской территории. Сохранение Пхеньяном своего ядерного арсенала чревато обвалом глобального режима нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ), прежде всего в Северо-Восточной Азии. Ядерное вооружение Японии и Южной Кореи, которое, как считают многие эксперты, вполне вероятно при неудаче затеи с денуклеаризацией КНДР, грозит непредсказуемыми последствиями, прежде всего для самих США, их военно-политических альянсов с Японией и Республикой Корея и продолжающегося весь послевоенный период присутствия американских войск в этих странах.

Так же как Ким Чен Ын умело воспользовался зимней Олимпиадой в феврале 2018 г. в южнокорейском Пхенчхане для прорыва дипломатической блокады США и их союзников, выведя из неё Республику Корея, так и Д. Трамп, оказавшись в конце июня с запланированным визитом в Южной Корее, не упустил уникального шанса провести встречу с северокорейским лидером в стиле политического шоу, встречу, которая позволила его фотографиям в тоге миротворца вновь оказаться на первых полосах газет всего мира.

К тому же двухминутный обмен приветствиями, который предлагал Д. Трамп Ким Чен Ыну в своем твите, не предполагал взятия на себя каких-либо серьезных обязательств и позволял избежать различных препон для проведения встречи, которые неизбежно, под самыми различными предлогами, стали бы чинить те высокопоставленные сотрудники его администрации, которые считают диалог с КНДР бесперспективным. Не случайно, что Дж. Болтона – одного из самых ярких сторонников жесткого подхода к Пхеньяну – в Пханмунчжом не взяли, а отправили с визитом в Монголию. Этот момент, наряду с отказом Д. Трампа в последний момент от нанесения удара по Ирану, за который ратовали представители этих кругов в администрации президента США, показали, что адептам силового подхода к решению внешнеполитических проблем далеко не всегда удаётся взять верх. Возможно, и сам Трамп пошёл на встречу в Пханмунчжоме, осознав бесперспективность попыток навязать КНДР «большую сделку».

Более того, рискну высказать предположение, что решающие аргументы, подвигшие его к этому шагу, он услышал на прошедших 28–29 июня 2019 г. встречах с В.В. Путиным и Си Цзиньпином на «полях» саммита «двадцатки» в японской Осаке.

Суть американской позиции состояла в том, что сначала должна быть осуществлена денуклеаризация КНДР, т. е. прекращено производство расщепляющихся материалов, закрыты ядерные и ракетные центры, предоставлен список объектов ядерной и ракетной инфраструктуры, обеспечен допуск инспекторов. Тогда можно будет отменить какие-то санкции, большую часть которых Вашингтон был намерен сохранить до завершения процесса денуклеаризации.

Однако в Пхеньяне такой подход воспринимали как подтверждение своих подозрений насчёт того, что американцы не собираются ни отказываться от вражды с КНДР, ни налаживать с ней обещанные «новые отношения».

Тем не менее, Ким Чен Ыну потребовалось всего лишь пять часов для того, чтобы согласиться на встречу в Пханмунчжоме. Судя по всему, он тоже был не прочь «засветиться» на первых полосах газет и телеэкранах во всём мире. К тому же, в данном случае он выступал не как проситель, а как вежливый хозяин, с которым хочет встретиться приехавший издалека, из-за океана новый, ну, если ещё и не друг, то человек, который пишет

ему письма, омрачить «удовлетворение» от «прекрасного содержания» которых не способно даже продление ещё на год американских санкций [КСНА, 23.06.2019].

Кроме того, после 12-ти саммитов с лидерами иностранных государств, проведенных Ким Чен Ыном за последние 14 месяцев, начиная с апреля 2018 г. (4 – с КНР, 3 – с Южной Кореей, 2 – с США и по одному – с Россией, Сингапуром и Вьетнамом), он чувствовал себя более уверенно.

Ему также было важно показать своему окружению и северокорейской элите в целом, что он может «продать» свою линию даже с таким тяжеловесом, каким для КНДР являются США. Злые языки утверждают, что итоги Ханоя были восприняты им как личная неудача. Вину за неподготовленный должным образом саммит, как это часто бывает в таких случаях, возложили на рядовых переговорщиков. Некоторые из них, по утверждениям западной прессы, подверглись суровому наказанию [Bulletin of the Atomic Scientists, 02.07.2019]. Так это или нет, покажет, возможно, персональный состав делегации КНДР, которая должна быть сформирована, в соответствии с договоренностями в Пханмунчжоме, для ведения переговоров с США. Поговаривают, что главную роль на них будут играть не представители разведки из отдела Единого фронта ЦК ТПК, который курировал Ким Ен Чхоль, а профессиональные дипломаты, имеющие опыт общения с американцами, под присмотром главы внешнеполитического ведомства Ли Ен Хо и его первого заместителя Цой Сон Хи.

Эта подвигка может оказаться знаковой в связи с тем, что некоторые западные эксперты на основе анализа ряда публикаций, появившихся в северокорейских газетах, сделали вывод о наличии серьезных разногласий в северокорейском руководстве по поводу того, стоит ли продолжать нынешний курс в отношении США, логическим завершением которого может стать возникновение серьезной угрозы безопасности КНДР вследствие ограничения или сдачи ею своего ракетно-ядерного арсенала [Carlin R., 18.06.2019].

В этих условиях реализация тактики «малых шагов», в первую очередь, отмена части санкций, блокирующих международные расчёты и внешнюю торговлю КНДР имела бы для КНДР не только экономическое, но важное политическое значение. Во-первых, облегчение санкционного режима, по мнению северокорейцев, стало бы практическим шагом со стороны США к выстраиванию новых, свободных от былой вражды отношений с КНДР. Стремиться к ним стороны договорились ещё на первом саммите США–КНДР 12 июня 2018 г. в Сингапуре. Во-вторых, после 70 лет вражды, в течение которых стороны не раз угрожали превратить друг друга в «море огня», добиться доверия за счёт одного, пусть и внешне весьма эффектного шага, было нереалистично. Гораздо практичнее выглядело выстраивание такого доверия постепенно, путем реализации взаимно согласованных встречных шагов.

Тем более что после введения моратория на ядерные испытания и пуски межконтинентальных баллистических ракет (МБР) последующие шаги в сторону денуклеаризации становились для КНДР более необратимыми. К таковым, несомненно, относится ликвидация ядерного полигона в Пхунгери. Критики утверждают, что КНДР может создать ещё один полигон или даже попытаться использовать оставшиеся возможно неразрушенными туннели на старом. Однако для такой небольшой страны, как КНДР, к тому же обложенной со всех сторон жесточайшими экономическими санкциями, такая задача станет и финансово, и политически весьма дорогостоящей.

В целом же сохранение санкционного режима в его нынешнем объеме, безусловно, серьезно затруднило бы реализацию выдвинутого руководством КНДР в апреле 2018 г. курса на приоритетное решение экономических задач [КСНА, 21.04.2018].

Кстати, практически незамеченным остается то обстоятельство, что нынешние американские попытки решить дело, что называется, одним махом прямо противоречат методам урегулирования ЯПКП, согласованным участниками шестисторонних переговоров ещё 19 сентября 2005 г. в Совместном заявлении, принятом в Пекине. В этом документе, одобренном и делегацией США, вполне однозначно прописано, что все участники «шестисторонки» согласились в том, что двигаться к этой цели надо на принципе «обязательство в обмен на обязательство, действие в обмен на действие» [CNN, 19.09.2005].

Главная задача, стоящая сейчас перед сторонами – сформировать достаточно квалифицированные команды переговорщиков, способных реализовать эти принципы на практике, а также (это может быть важнее всего) определить повестку дня самих переговоров.

Разумеется, конечная цель – денуклеаризация всего Корейского полуострова, зафиксированная в Сингапурском заявлении лидеров США и КНДР, вряд ли может быть не упомянута. Однако в указанном документе она числится всего лишь третьей по порядку и является приоритетной лишь для США.

Для Пхеньяна таким приоритетом являются гарантии безопасности и выстраивание новых отношений с США. Если кратко суммировать содержание таких отношений, то им должны быть присущи полное устранение военной, прежде всего, ядерной угрозы КНДР и прекращение США всех враждебных акций против КНДР, что включает в себя не только отказ от проведения военных учений вблизи границ КНДР, но и отмену санкций как бесспорного проявления враждебности.

В американском экспертном сообществе развернулась широкая дискуссия по поводу того, чем должны в первую очередь заняться переговорщики. Некоторые предлагают сторонам выработать общее понимание того, что есть денуклеаризация. Другие же считают, что надо начать с практических шагов по реализации денуклеаризации и определения того, какие санкции должны быть отменены или ослаблены в качестве ответной меры на эти шаги.

Надо признать, что большинство серьёзных экспертов в США полагают, что полная денуклеаризация КНДР практически недостижима по целому ряду причин. Ну, хотя бы потому, что чтобы убедиться в этом, потребуется тотальный обыск всей страны с её многими тысячами подземных сооружений, на что северокорейцы никогда не согласятся, чтобы не дать пентагоновским картографам нанести на свои карты все мало-мальски значимые цели в КНДР. Тем не менее, задача полной проверяемой и необратимой денуклеаризации КНДР, в первую очередь, по политическим соображениям, в Вашингтоне не снимается.

Что думают по этому поводу сами северокорейцы? Судя по опыту предыдущих инспекций, которые проводились ещё в начале 90-х годов МАГАТЭ, проблема верификации будет одной из самых сложных и в потенциале способна похоронить устраивающее обе стороны соглашение. Не случайно в Пхеньяне столь часто и настойчиво напоминают американцам о необходимости утверждения доверия в двусторонних отношениях. Какие-то ограниченные инспекции, по всей видимости, неизбежны. Но во всём остальном американцам, похоже, будет предложено полагаться на доверие.

В свете трудностей осуществления полной проверяемой денуклеаризации и длительных сроков, которых она потребует, есть мнение ограничиться замораживанием всех работ по производству расщепляющихся материалов и средств доставки ядерного оружия. Этот путь оставляет практически нетронутым уже созданный ядерный потенциал, но также потребует допуска инспекторов на все объекты ядерной инфраструктуры страны, местонахождение части которых, по всей видимости, совершенно неизвестно иностранным наблюдателям.

Более радикальным является предложение добиться запрета не только на производство оружейных материалов и МБР, но и о сокращении имеющихся зарядов и ракет, что позволит прекратить качественное и количественное наращивание северокорейского ядерного потенциала. В рамках этого плана предполагается добиться от КНДР согласия на раздельное хранение мобильных пусковых установок, ракет и боеголовок к ним. Контроль за соблюдением таких договоренностей мог бы осуществляться с помощью спутников и систем радиоперехвата.

Открытым остается один главный вопрос: что потребует Пхеньян взамен реализации предлагаемых ему ограничений, и какие из них он согласится принять.

В интервью газете «Файнэншл таймс» накануне саммита «двадцатки» в Осаке Президент РФ В.В. Путин предложил свой рецепт ведения дел с этой страной, который, по его мнению, имеет все шансы на успех. Он сказал, что «надо с уважением отнестись к законным озабоченностям Северной Кореи в смысле обеспечения её безопасности. Надо проявить к ней уважение и найти такой способ обеспечения безопасности, в котором Северная Корея будет уверена. И если это будет сделано, поверьте мне, ситуация будет развиваться так, как, может быть, сегодня никто не ожидает» [Financial Times, 27.06.2019].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Boxed In by Trump, Kim Jong Un Buys Time With Nod to 2020. By Youkyung Lee and Jon Herskovitz. April 16, 2019. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-04-15/boxed-in-by-trump-kim-jong-un-buys-time-with-flick-to-2020> (дата обращения: 13.07.2019).

Carlin, Robert. Mixed Signals on Engagement. URL: <https://www.38north.org/2019/06/rcarlin061019/> (дата обращения: 14.07.2019).

Four questions for Duyeon Kim about the Trump-Kim DMZ meeting. By John Mecklin, July 2, 2019. URL: <https://thebulletin.org/2019/07/four-questions-for-duyeon-kim-about-the-trump-kim-dmz-meeting/> (дата обращения: 14.07.2019).

Interview with The Financial Times. On the eve of the G20 summit, Vladimir Putin spoke with the Financial Times Editor Lionel Barber and Moscow Bureau Chief Henry Foy. June 27, 2019. The Kremlin, Moscow. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/60836> (дата обращения: 14.07.2019).

North Korea: A Month in Review. URL: https://files.convertkitcdn.com/assets/documents/94754/2271338/Month_in_Review_June_Non-member_preview_edition_lq.pdf (дата обращения: 12.07.2019).

Secretary of State Michael R. Pompeo Remarks to Press. June 30, 2019. URL: <https://www.state.gov/secretary-of-state-michael-r-pompeo-remarks-to-press-2/> (дата обращения: 12.07.2019).

Supreme Leader Kim Jong Un Receives Personal Letter from U.S. President Donald Trump. KCNA, 23.06.2019. URL: <http://www.kcna.kp/kcna.user.special.getArticlePage.kcmsf.jsessionid=FC988479F18FB317D247FA84AD247386> (дата обращения: 13.07.2019).

Text of N. Korea talks agreement. September 19, 2005. URL: <http://edition.cnn.com/2005/WORLD/asiapcf/09/19/korea.north.text/> (дата обращения: 14.07.2019).

The 3rd Plenary Meeting of 7th C.C., WPK Held in Presence of Kim Jong Un. KCNA. April 21, 2018. URL: <http://www.kcna.kp/kcna.user.special.getArticlePage.kcmsf> (дата обращения: 14.07.2019).

Trump extends North Korea sanctions for one more year. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZDT11VpkjMU> (дата обращения: 13.07.2019).

US says Trump and Kim had meeting, not summit, in DMZ. Yonhap, 10.07.2019. URL: http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20190710000109&ACE_SEARCH=1 (дата обращения: 12.07.2019).

REFERENCES

Boxed In by Trump, Kim Jong Un Buys Time With Nod to 2020. By Youkyung Lee and Jon Herskovitz, April 16, 2019. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-04-15/boxed-in-by-trump-kim-jong-un-buys-time-with-flick-to-2020> (accessed: 13 July 2019).

Carlin, Robert. Mixed Signals on Engagement. URL: <https://www.38north.org/2019/06/rcarlin061019/> (accessed: 14 July 2019).

Four questions for Duyeon Kim about the Trump-Kim DMZ meeting. By John Mecklin, July 2, 2019. URL: <https://thebulletin.org/2019/07/four-questions-for-duyeon-kim-about-the-trump-kim-dmz-meeting/> (accessed: 14 July 2019).

Interview with The Financial Times. On the eve of the G20 summit, Vladimir Putin spoke with the Financial Times Editor Lionel Barber and Moscow Bureau Chief Henry Foy. June 27, 2019. The Kremlin, Moscow. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/60836> (accessed: 14 July 2019).

North Korea: A Month in Review. URL: https://files.convertkitcdn.com/assets/documents/94754/2271338/Month_in_Review_June_Non-member_preview_edition_lq.pdf (accessed: 12 July 2019).

Secretary of State Michael R. Pompeo Remarks to Press, June 30, 2019. URL: <https://www.state.gov/secretary-of-state-michael-r-pompeo-remarks-to-press-2/> (accessed: 12 July 2019).

Supreme Leader Kim Jong Un Receives Personal Letter from U.S. President Donald Trump. KCNA, 23.06.2019. URL: <http://www.kcna.kp/kcna.user.special.getArticlePage.kcmsf.jsessionid=FC988479F18FB317D247FA84AD247386> (accessed: 13 July 2019).

Text of N. Korea talks agreement, September 19, 2005. URL: <http://edition.cnn.com/2005/WORLD/asiapcf/09/19/korea.north.text/> (accessed: 14 July 2019).

The 3rd Plenary Meeting of 7th C.C., WPK Held in Presence of Kim Jong Un, KCNA, April 21, 2018. URL: <http://www.kcna.kp/kcna.user.special.getArticlePage.kcmsf> (accessed: 14 July 2019).

Trump extends North Korea sanctions for one more year. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZDT11VpkjMU> (accessed: 13 July 2019).

US says Trump and Kim had meeting, not summit, in DMZ, *Yonhap*, 10.07.2019. URL: http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20190710000109&ACE_SEARCH=1 (accessed: 12 July 2019).

Для цитирования: Жебин А.З. Корея: денуклеаризация в обмен на нормализацию? // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 1. С. 7–14.

For citation: Zhebin A.Z. (2019). Koreya: denuklearizaciya v obmen na normalizaciyu? [Korea: denuclearization in exchange for normalization?], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2019, 1: 7–14. (In Russian).

Тенденции развития туристической отрасли Камбоджи

Е.С. Булова

Аннотация. В статье рассмотрены динамика развития туристической отрасли Камбоджи, ее влияние на развитие экономики и обеспечения занятости населения, основные туристические потоки, а также направления, проанализирован мультипликативный эффект туризма, затронуты основные проблемы развития отрасли. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1993 г., после восстановления монархии в Камбодже и некой политической стабилизации, когда страна открылась для туристов, и по настоящий день.

Ключевые слова: Камбоджа, туризм, экономическое развитие Камбоджи, развитие туризма в Камбодже, туристические направления Камбоджи.

Автор: Булова Елена Сергеевна, научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Института Дальнего Востока РАН. ORCID: 0000-0003-1047-2573; E-mail: epylcina@yandex.ru

The tendencies of Cambodian tourism development

E.S. Burova

Abstract. The article considers the dynamics of the tourism industry in Cambodia, its impact on the economic development and employment, the main tourist flows, its dynamic and destinations. The article describes the multiplier effect of tourism, its main development problems. The time frame of present study takes the period from 1993, when the Kingdom of Cambodia was restored, some political steadiness was gained and the country opened its frontiers for tourists and up until now.

Keywords: Cambodia, tourism, economic development of Cambodia, Cambodian tourism development, Cambodian tourist destinations.

Author: Burova Elena S., researcher of Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0003-1047-2573; E-mail: epylcina@yandex.ru

Динамика развития туристической отрасли

Туризм является одним из мощнейших двигателей экономического развития Камбоджи, внося существенный вклад в производство ВВП страны, ускоряя его темпы, а также обеспечивая заметную долю населения рабочими местами.

Туристическая отрасль увеличивается весьма быстрыми темпами – 16 % в год. В результате ее вклад в ВВП возрос более чем в 6 раз – с 1,4 до 14,5 % в 1996–2018 гг. Следует отметить, что этот показатель является самым высоким среди стран АСЕАН (рис. 1) [World tourism and travel council, 2019].

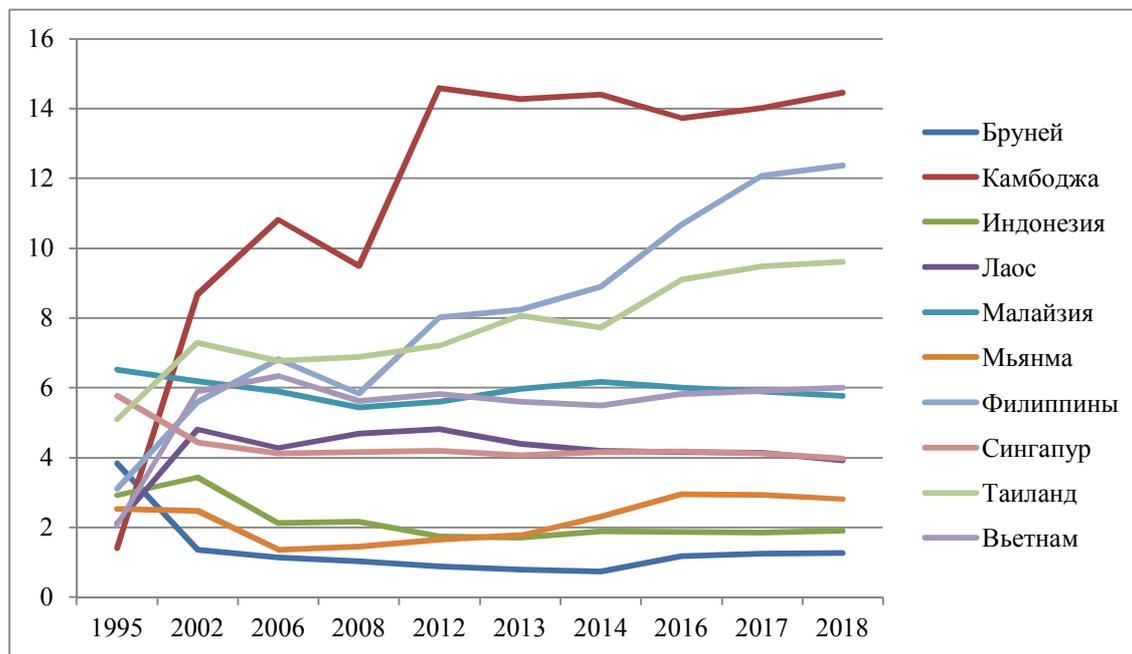

Рис. 1. Вклад туризма в ВВП (в %) по странам АСЕАН

Туристическая индустрия играет все более заметную роль и в обеспечении рабочими местами трудоспособного населения страны. Абсолютная численность занятых непосредственно в туризме возросла с 51 до 1435 тыс. человек. В 1995–2018 гг. Вместе с этим увеличился и относительный показатель – с 1,2 до 14,6 % [World tourism and travel council, 2019].

Столь динамичное развитие вызвано, в первую очередь, повышающимся интересом иностранцев к стране. И это не удивительно, Камбоджа располагает богатыми рекреационными ресурсами и экзотической природой. С географической точки зрения Камбоджа привлекательна своей незагрязненной окружающей средой, роскошной лесной тропической растительностью, загадочной рекой Меконг, легендарным Ангкор Ватом рядом с Сиам Реапом и Слоновыми горами, которые тянутся вдоль всего Южного побережья. Все это вместе составляет огромное искушение для каждого, кто ищет чего-то необычного.

С тех пор как Камбоджа открылась для внешнего мира, поток иностранных гостей неуклонно нарастал. Количество туристов увеличилось в 52 раза – с почти нулевого уровня в 1992 г. до 6,2 млн человек в 2018 г. (рис. 2) [Ministry of Tourism, 2018]. На протяжении рассматриваемого периода средние темпы роста посетителей страны составили 17 %.

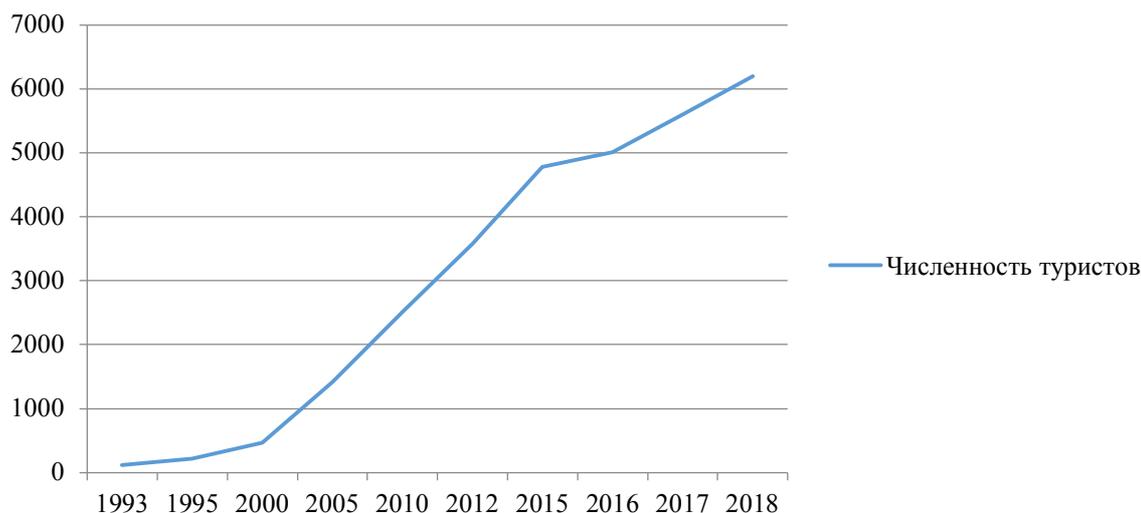

Рис. 2. Динамика роста численности туристов, посетивших Королевство Камбоджа в 1993–2018 гг.

В то же время количество дней пребывания иностранных гостей сократилось. Связано это с развитием туристических программ сразу по нескольким странам Индокитая, в рамках которых туристам предлагается посетить лишь основные достопримечательности страны за более короткий срок.

Следует отметить, что туристическая отрасль начинает носить более всепогодный характер. Об этом свидетельствует снижение коэффициента вариации численности туристов в зависимости от месяца. Так, в 1996–2018 гг. он сократился с 38 до 25 %. Более умеренная вариация свидетельствует о том, что сезонность играет все меньшую роль при посещении Камбоджи, что вполне объяснимо более низкими ценами на авиаперевозки в дождливый сезон.

Тем не менее, все же есть «высокие» и «низкие» месяцы в туристической отрасли Камбоджи. Так, пик посещаемости страны приходится на начало сухого сезона – ноябрь, декабрь, январь. «Низкими» же месяцами традиционно являются май, июнь и сентябрь. Согласно докладу 2018 г. Министерства туризма Камбоджи, численность туристов в самый пиковый месяц – декабрь достигает 755 тыс. человек, а в июне – достигает своего «дна» в 407 тыс. человек (рис. 3) [Ministry of Tourism, 2018].

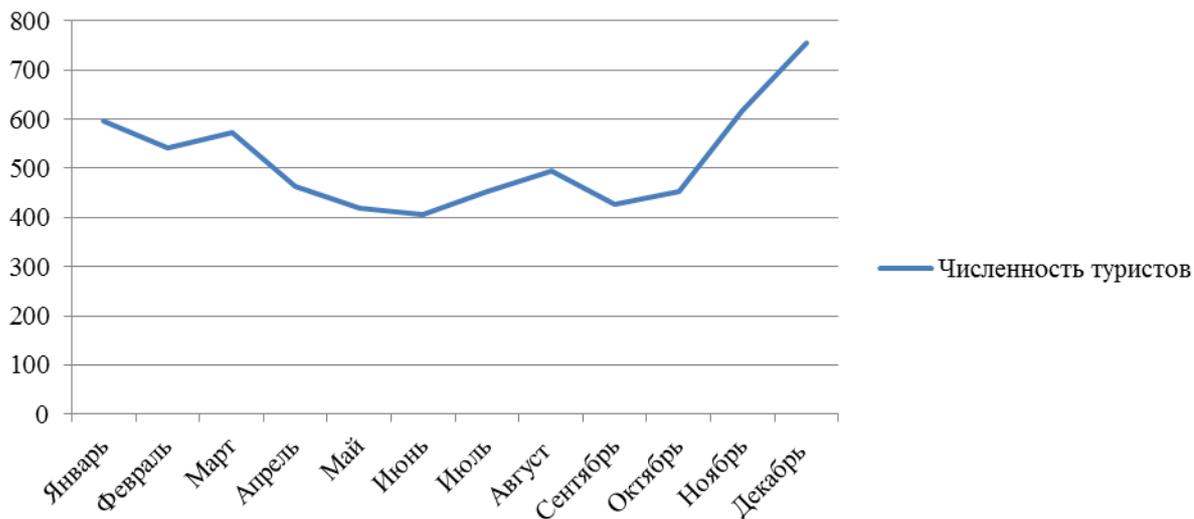

Рис. 3. Динамика численности туристов по месяцам

В соответствии со статистическими данными, собранными Министерством туризма Камбоджи, ключевыми посетителями страны являются граждане Китая (2024 тыс.), Вьетнама (800 тыс.), Лаоса (426 тыс.), Таиланда (382 тыс.), Южной Кореи (301 тыс.), США (250 тыс.), Японии (203 тыс.), Малайзии (201 тыс.), Франции (170 тыс.) и Великобритании (162 тыс.). Самыми многочисленными туристами стали приезжие из Китая, составив 41,1 % всех посетивших Камбоджу [Ministry of Tourism, 2018]. Следует отметить, что эта наметившаяся тенденция продолжает сохраняться.

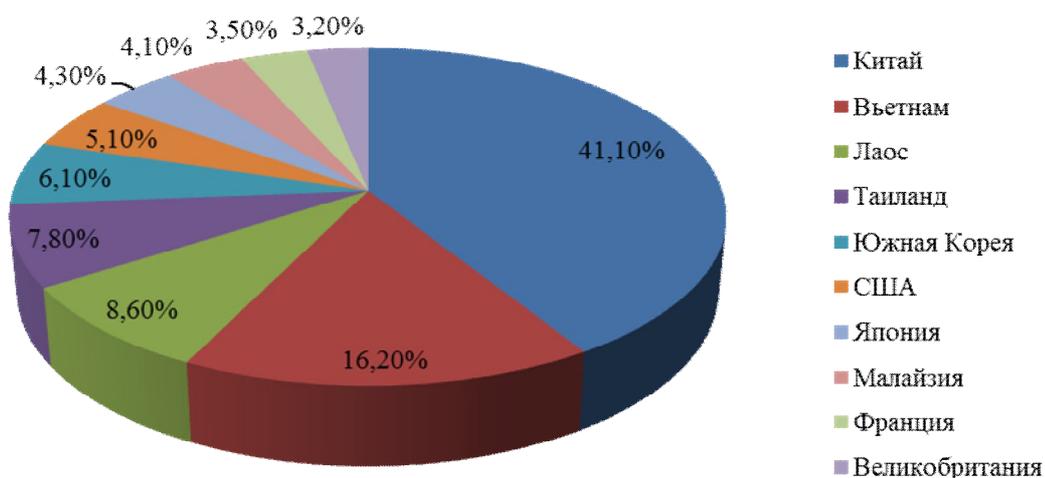

Рис. 4. Основные посетители Камбоджи в 2018 г.

Разновидности туризма в Камбодже

Камбоджа обладает большим количеством памятников архитектуры и историческими объектами, в силу чего самое востребованное направление туризма в стране – культурное. Гости страны приезжают знакомиться с достопримечательностями столицы и историческим комплексом Ангкора. В стране имеются также и другие объекты, достойные внимания, однако, в настоящее время они являются менее раскрытыми и доступными в силу слабой развитости инфраструктуры, поэтому до них доезжают лишь единицы.

Самым популярным направлением в Камбодже является столица Пномпень. Ее посещают 50,5 % туристов. На знаменитые храмы Ангкора и Сием Реапа приходится 36,2 % иностранных гостей. А в силу соседства с пляжами Таиланда и Вьетнама, до камбоджийского побережья доезжает всего 12,3 % туристов [Ministry of Tourism, 2018].

В то же время благодаря наличию больших и неизведанных природных заповедников в Камбодже зародился набирающий в мире популярность экотуризм, на долю которого приходится 1 % туристов [Ministry of Tourism, 2018]. Камбоджа может похвастаться своим заповедником Бокор.

В последнее время набирает силу гастрономический туризм. В провинции Кампот организуются экскурсии на перечные плантации, которые знакомят потребителей с производственными процессами и позволяют продегустировать мирового «короля специй». Репутация самого вкусного и ароматного перца в мире оказала положительное влияние и на развитие ресторанного бизнеса. Многие туристы отправляются отведать знаменитого камбоджийского краба в кампотском перце, а также рыбу, томленную с молодым зеленым перцем. Таким образом, географический индикатор создал некую гастрономическую достопримечательность в стране и положил начало развитию гастрономического туризма, набирающего все большую популярность во всем мире.

Влияние туризма на развитие смежных отраслей

Увеличение туристского спроса влечет за собой рост капитальных вложений в инфраструктурные подразделения и увеличение реального объема производства услуг и товаров туристского потребления, что является верными признаками активизации экономической деятельности. Импульс роста, начало которому положил туризм, передается по цепочке другим отраслям экономики. Таким образом, возникает мультипликативный эффект от туризма.

В первую очередь развитие туризма повлекло за собой строительство сопутствующей инфраструктуры. В период 1997–2018 гг. количество отелей увеличилось с 179 до 531, а гостевых домов – с 60 до 1218. Большая часть из них сосредоточена в Пномпене (35 %) и в Сиём Реапе (23 %). Загруженность отелей и гостевых домов возросла с 30 до 72 % [Ministry of Tourism, 2018].

Наметилась тенденция к укрупнению отелей. На камбоджийский рынок стали приходить всемирные гостиничные бренды, что обернулось усилением конкуренции в сфере гостеприимства. Как отмечает камбоджийская газета «Пномпень Пост», заметная часть туристов отдает предпочтение отелям с мировым именем, как гарантии качества услуг.

Усиление конкуренции наметилось и среди более мелких игроков рынка, так как местное население стало инвестировать в жилую недвижимость и сдавать ее на короткий срок по более привлекательным ценам [Nhean, 2017].

Увеличение туристских потоков также сказалось на развитии ресторанного бизнеса, который в силу небольших доходов населения был на крайне низком уровне. Современный ресторанный рынок Камбоджи в своем развитии достаточно молод, но пережил несколько стадий развития. На сегодняшний день снята проблема дефицита, улучшилось качество данного вида услуг. В настоящее время в туристических центрах можно встретить широкое разнообразие различных форматов кафе и ресторанов, а также кухонь.

Важное место среди смежных отраслей традиционно занимает торговля. При увеличении туристских потоков повышается спрос на сувенирную продукцию, изделия местного кустарного промысла. Таким образом, как следствие, развивается торговля, участники которой в Камбодже в основном (на 85 %), представлены мелкими индивидуальными или семейными предприятиями.

Нередко торговые точки становятся некой достопримечательностью страны. Центральный рынок (Пхса Тхмей) в Пномпене, например, стал главным местом привлечения туристов. Вместе с тем появляются и новые торговые центры, аркады и супермаркеты. Покупки в Камбодже обычно ассоциируются с торгами. Как правило, турист может получить скидку более чем в 30 % от первоначальной цены; торги стали одной из форм развлечения для туристов. Серебро, деревянные и из слоновой кости фигурки, керамика, текстиль и другие традиционные изделия ручной работы представляют собой типичные покупки; драгоценности, особенно рубины и сапфиры, также очень популярны. Как следствие, увеличиваются и расходы туристов. Так, в 1995 г. они не превышали 0,8 % ВВП. В 2018 г. этот показатель достиг 10 % (рис. 5) [World tourism and travel council, 2019].

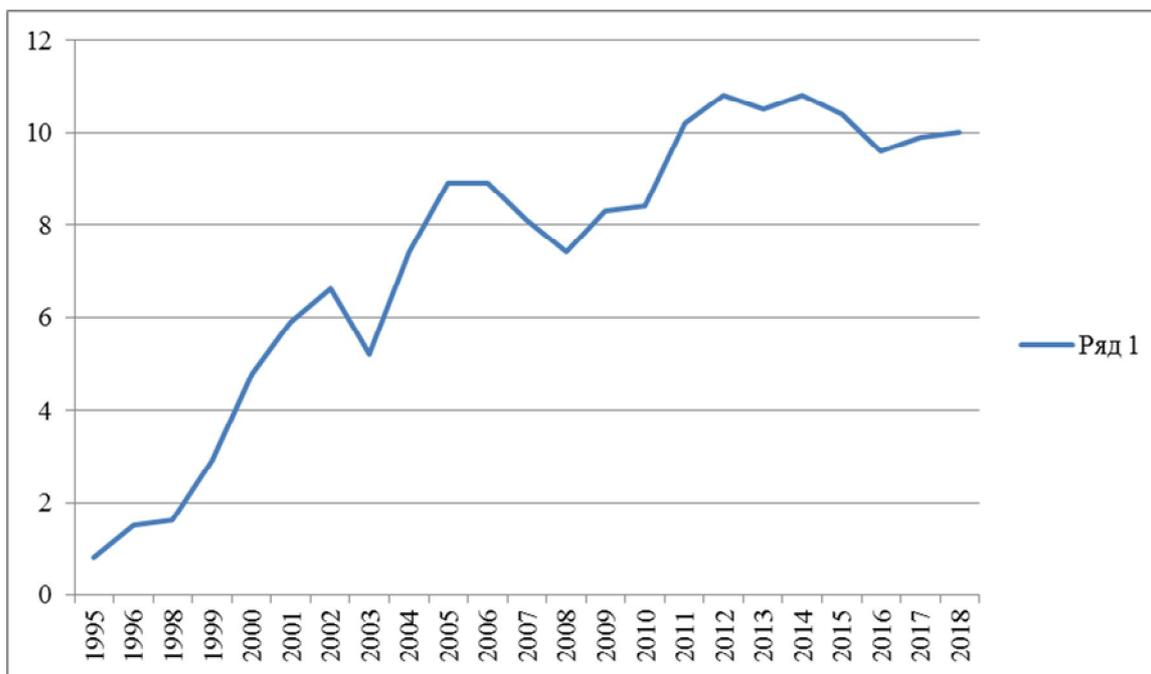

Рис. 5. Доля расходов туристов в ВВП Камбоджи

Заметно растет игорный бизнес в стране. Индустрия казино в Камбодже, которая когда-то занимала одно из последних мест на мировом рынке гемблинга, испытала значительный рост за последние несколько лет. По данным Министерства экономики и финансов только за 2017–2018 гг. количество выданных лицензий увеличилось на 53 %. В 2018 г. лицензиями на осуществление игорного бизнеса в Камбодже обладали 150 компаний, что существенно превышало показатели 2017 г. – 98 компаний. Большая часть или 58 % игорных заведений сосредоточена в Сиануквиле, который переживает масштабную трансформацию. Поток китайских туристов и инвесторов заметно повлиял на рынок [Kimsay, 2019]. В достаточно короткий промежуток времени тут появились не только казино и роскошные курорты, но также преобразились рестораны, магазины, сувенирные лавки и киоски.

Развитие туристического бизнеса тесно связано с расширением предложения досуга и развлечений в стране. В этой области Камбоджа может похвастаться ночной жизнью Пномпеня. В городе находится множество дискотек, караоке-баров, саун и ночных клубов. Имеются также и другие развлечения, такие как классические камбоджийские танцы, классическая музыка, традиционные оркестры, фольклорные танцы и знаменитый театр теней. Все эти виды представлений можно увидеть на местных фестивалях и иногда в отелях по специальному заказу.

Не менее важную роль играет и транспорт, который способствует увеличению туристических потоков по стране. Большая часть туристов, или 66,1 %, прилетают воздушным транспортом, наземным же приезжают 31,6 %, а водным – всего 2,3 % (табл. 1).

Таблица 1. Каким видом транспорта прибывают туристы в Камбоджу?

Вид транспорта	2016		2017		2018	
	тыс. чел	%	тыс. чел	%	тыс. чел	%
Воздушный	2704	54	3312	59,1	4096	66,1
Наземный	2153	43	2144	38,3	1960	31,6
Водный	153	3,1	145	2,6	144	2,3
Итого	5011	100	5602	100	6201	100

Источник: Tourism Statistics Department, MOT, 2018.

Положительная динамика наблюдалась в авиаперевозках. Два международных аэропорта страны сданы в концессии и реконструированы. Благодаря модернизации международных аэропортов в Пномпене и Сием Реапе, ежегодно с 2004 г. на 20 % увеличивался международный пассажиропоток, составив в 2018 г. почти 2 млн человек. К тому же вновь был открыт международный аэропорт Сиануквиля, который в 2018 г. принял 338 тыс. туристов. С развитием авиасообщения наметилась тенденция к увеличению доли прибывающих туристов воздушным транспортом (табл. 1) [Ministry of Tourism, 2018].

Что касается наземного транспорта, то он находится в плачевном состоянии. Плотность дорожной сети составляет 22 км / 100 км². Лишь 35 % дорог в Камбодже имеют асфальтовое покрытие. Дороги, связывающие туристические центры (Пномпень, Сием Реап и Сиануквиль), остаются двухполосными с большим количеством населённых пунктов на пути, в результате чего дорога между ними занимает длительное время.

Такое состояние дорожной сети приводит к эксплуатации в качестве центра притяжения туристских потоков лишь ограниченного количества достопримечательностей: в

основном храмовый комплекс Ангкор, что ограничивает привлекательность страны, имеющей и другие туристические объекты, которые, однако, не оснащены необходимой инфраструктурой.

Выводы

Туристическая отрасль является одним из мощнейших моторов социально-экономического развития Камбоджи и выступает его катализатором. Развитие туризма в Камбодже отмечается устойчивой положительной динамикой, что подает серьёзные импульсы в смежные отрасли экономики, такие как торговля, ресторанный и игорный бизнес, транспорт.

Устойчивое функционирование туристической отрасли способствует привлечению денежных средств. Доходы от этой деятельности, которые также имеют положительную динамику, стимулируют развитие экономики. При увеличении потоков туристов повышается спрос на сувенирную продукцию, изделия местного кустарного промысла (возрождение народных промыслов, традиций, к тому же это дополнительная реклама туристических центров).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Kimsay H. Number of casinos jumps by 53 % in 2018 // *Phnom Penh Post*. 02.01.2019. URL: <https://www.phnompenhpost.com/business/number-casinos-jumps-53-2018> (дата обращения: 20.08.2019).

Nhean M. More hotels, more problems // *Phnom Penh Post*. 16.02.2017. URL: <https://www.phnompenhpost.com/post-property/more-hotels-more-problems> (дата обращения: 20.08.2019).

Tourism Statistics Report 2018 // Ministry of Tourism, Statistics and Tourism information Department, Phnom Penh. URL: https://amchamcambodia.net/wp-content/uploads/2019/04/Year_2018.pdf (дата обращения: 20.08.2019).

Tourism Statistics Report February 2019 // Ministry of Tourism, Statistics and Tourism information Department, Phnom Penh. URL: <https://amchamcambodia.net/wp-content/uploads/2019/04/CAM022019.pdf> (дата обращения: 20.08.2019).

World tourism and travel council, Data Gateway. URL: <https://tool.wttc.org/> (дата обращения: 20.08.2019).

REFERENCES

Kimsay H. Number of casinos jumps by 53 % in 2018, *Phnom Penh Post*, 2 January 2019. URL: <https://www.phnompenhpost.com/business/number-casinos-jumps-53-2018> (accessed: 20 August 2019).

Nhean M. More hotels, more problems, *Phnom Penh Post*, 16 February 2017. URL: <https://www.phnompenhpost.com/post-property/more-hotels-more-problems> (accessed: 20 August 2019).

Tourism Statistics Report 2018, Ministry of Tourism, Statistics and Tourism information Department, Phnom Penh. URL: https://amchamcambodia.net/wp-content/uploads/2019/04/Year_2018.pdf (accessed: 20 August 2019).

Tourism Statistics Report February 2019, Ministry of Tourism, Statistics and Tourism information Department, Phnom Penh. URL: <https://amchamcambodia.net/wp-content/uploads/2019/04/CAM022019.pdf> (accessed: 20 August 2019).

World tourism and travel council, Data Gateway. URL: <https://tool.wttc.org/> (accessed: 20 August 2019).

Для цитирования: Бурова Е.С. Тенденции развития туристической отрасли Камбоджи // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 1. С. 15–23.

For citation: Burova E.S. (2019). Tendencii razvitiya turisticheskoy otrasli Kambodzhi [The tendencies of Cambodian tourism development], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [*East Asia: Facts and Analytics*], 2019, 1: 15–23. (In Russian).

Об отношении японцев к другим странам и россиян к Японии в 2018 году

О.И. Казаков

Аннотация. В статье рассмотрены результаты ежегодного опроса общественного мнения в Японии, касающиеся отношения японцев к другим странам и регионам в 2018 г. Опрос зафиксировал снижение симпатий японцев к США и России. КНДР продолжает оставаться для Японии страной-изгоем. Также рассмотрены опросы общественного мнения россиян, касающиеся их отношения к Японии и её территориальных претензий. И хотя доля симпатизирующих Японии россиян выросла, отношение к передаче Японии части Курильских островов в России остаётся негативным.

Ключевые слова: Япония, российско-японские отношения, опросы общественного мнения, дружеские чувства, территориальная проблема.

Автор: Казаков Олег Игоревич, заведующий Отделом наукометрии и информационных технологий, Институт Дальнего Востока РАН. ORCID: 0000-0002-9009-3225; E-mail: kazakov_oleg@mail.ru

The attitude of the Japanese to other countries and the Russians to Japan in 2018

O.I. Kazakov

Abstract. The article describes the results of the annual survey of public opinion in Japan regarding the attitude of the Japanese to other countries and regions in 2018. The survey recorded a decline in sympathy of the Japanese to the USA and Russia. North Korea still remains a rogue State for Japan. The opinion polls of the Russians regarding their attitude to Japan and its territorial claims are also reviewed. Although the share of the Russians sympathizing Japan grew a little, the attitude to the transfer of a part of the Kuril Islands to Japan remains negative in Russia.

Keywords: Japan, Russian-Japanese relations, public opinion survey, friendship, territorial issue.

Author: Kazakov Oleg I., Head of Scientometrics and Information Technology Dept., Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-9009-3225; E-mail: kazakov_oleg@mail.ru

Японцы о странах и регионах в 2018 г. Основные тенденции

Начиная с 1978 г. Отделом по связям с общественностью кабинета министров и премьер-министра Японии и Центральной исследовательской службой (Central Research Services) в стране проводятся ежегодные опросы общественного мнения, касающиеся

отношения японцев к другим странам и регионам, которые размещаются в открытом доступе на отдельном государственном сайте опросов кабинета министров.

С 18 по 28 октября 2018 г. был проведён очередной всеяпонский опрос общественного мнения [Гайко-ни...]. Было опрошено 3 тыс. человек, из них признаны действительными ответы 1663 респондентов (806 мужчин и 857 женщин) или 55,4 % от общего числа опрошенных. Основная тема опроса традиционная: уровень дружеских чувств – симпатий/антипатий, испытываемых японцами к другим странам и регионам.

В табл. 1 приведены сводные данные за 2018 г. по симпатиям/антипатиям японцев к пяти странам (США, Россия, Китай, Республика Корея, Австралия) и трём регионам (страны Ближнего Востока – Турция, Саудовская Аравия и др., Африка – Южная Африка, Кения, Нигерия и др., Латинская Америка и страны Карибского бассейна)¹. В табл. 2 представлены оценки респондентов текущего уровня отношений с данными пятью странами, а в табл. 3 – мнения японцев о важности развития отношений с ними.

Таблица 1. Испытываете ли дружеские чувства к указанной стране/региону? (в %)

№	Страны/регионы*	Да (всего)		Нет (всего)		Не знаю		
		● Да	● Скорее, да	● Скорее, нет	● Нет	● Скорее, нет	● Нет	
1.	США	75,5	33,5	42,0	22,4	15,9	6,4	2,2
2.	Россия	17,7	2,3	15,5	78,8	47,4	31,4	3,4
3.	Китай	20,8	4,4	16,4	76,4	37,8	38,6	2,8
4.	Республика Корея	39,4	10,2	29,3	58,0	31,0	27,0	2,5
5.	Австралия	65,1	24,4	40,8	29,0	17,1	11,9	5,9
6.	Страны Ближнего Востока	20,1	2,8	17,3	70,6	37,0	33,6	9,3
7.	Африка	24,5	2,8	21,7	65,5	35,8	29,7	10,0
8.	Латинская Америка и страны Карибского бассейна	34,6	4,8	29,8	57,0	32,1	24,9	8,4

*) Здесь и далее порядок стран/регионов соответствует принятому при опросе.

Таблица 2. Хорошие ли отношения между Японией и указанной страной? (в %)

№	Страны	Да (всего)		Нет (всего)		Не знаю			
		● Да	● Скорее, да	● Скорее, нет	● Нет	Однозначно не скажешь	● Не знаю		
1.	США	74,3	21,6	52,7	22,7	19,4	3,2	1,4	1,6
2.	Россия	22,2	1,4	20,8	71,9	53,9	18,0	2,2	3,7
3.	Китай	18,3	1,1	17,2	78,1	47,6	30,4	1,2	2,4
4.	Республика Корея	30,4	2,8	27,7	65,7	41,1	24,6	1,4	2,5
5.	Австралия	71,3	20,0	51,2	18,3	14,2	4,1	1,9	8,5

¹ Четыре страны – США, Россия, Китай и Республика Корея являются объектами ежегодного опроса. Другие страны и регионы появляются в опросах периодически, но не каждый год.

Таблица 3. Важно ли развивать отношения между Японией и указанной страной? (в %)

№	Страны	Да			Нет			Однозначно не скажешь	Не знаю
		Да (всего)	● Да	● Скорее, да	Нет (всего)	● Скорее, нет	● Нет		
1.	США	94,5	75,6	18,9	2,9	2,3	0,7	0,7	1,9
2.	Россия	79,8	32,6	47,2	15,8	13,2	2,6	1,4	3,1
3.	Китай	81,2	41,0	40,2	15,0	11,1	4,0	1,2	2,6
4.	Республика Корея	69,8	29,4	40,3	25,8	18,3	7,5	1,7	2,8
5.	Австралия	74,3	27,3	47,0	18,7	15,2	3,5	1,7	5,3

Особое отношение японцев остаётся к КНДР, которая в Японии рассматривается исключительно как страна, которая представляет для Японии источник угроз и конфликтов (табл. 4). В течение ряда лет в ответах респондентов лидируют три варианта, которые меняются местами в зависимости от текущей ситуации и политической конъюнктуры: «проблема похищения японских граждан», «ядерная проблема» и «проблема запусков ракет». Остальные варианты являются для японцев менее существенными – их доля в ответах по Северной Корее не превышает планку в 50 %.

Таблица 4. Озабоченности японцев в отношении КНДР (допускается несколько ответов)

№	Варианты ответов	%
1.	Проблема похищения японских граждан	81,4
2.	Ядерная проблема	66,7
3.	Проблема запусков ракет	59,9
4.	Политическая система КНДР	38,2
5.	Проблема перебежчиков	29,5
6.	Проблема Юг-Север	26,4
7.	Японо-корейские переговоры по нормализации отношений	25,7
8.	Торгово-экономические отношения, культурные и спортивные обмены	13,0
9.	Другое	0,2
10.	Особых озабоченностей нет	3,9
11.	Не знаю	0,7
12.	Всего	345,6

Сравнивая результаты опроса 2018 г. об отношении японцев к странам и регионам с более ранними аналогичными опросами, можно выделить следующие тенденции и ключевые моменты (табл. 5).

Таблица 5. Отношение японцев к США, России, Китаю и Республике Корея в 2012–2018 гг., %

Страна	Ответы	Год							
		2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
США	Симпатия	82,0	84,5	83,1	82,6	84,4	84,1	78,4	75,5
	Антипатия	15,5	13,7	15,8	15,3	13,5	13,2	19,1	22,4
	Не знаю	2,6	1,8	1,1	2,1	2,1	2,6	2,4	2,2
Россия	Симпатия	13,4	19,5	22,5	20,1	17,4	19,3	18,0	17,7
	Антипатия	82,9	76,5	74,8	76,4	79,3	76,9	78,1	78,8
	Не знаю	3,7	3,4	2,8	3,5	3,3	3,8	3,9	3,4
Китай	Симпатия	26,3	18,0	18,1	14,8	14,8	16,8	18,7	20,8
	Антипатия	71,4	80,6	80,7	83,1	83,2	80,5	78,5	76,4
	Не знаю	2,3	1,4	1,2	2,2	2,1	2,7	2,8	2,8
Республика Корея	Симпатия	62,2	39,2	40,7	31,5	33,0	38,1	37,5	39,4
	Антипатия	35,3	59,0	58	66,4	64,7	59,1	59,7	58,0
	Не знаю	2,5	1,8	1,3	2,2	2,3	2,8	2,8	2,5

США. Уровень симпатий к США, обусловленный проведённой американцами операцией «Томодати» («Друг») после Великого бедствия на Востоке страны в марте 2011 г.², стабильно превышал 80 %, пока в 2016 г. президентом США не стал Дональд Трамп. И уже в 2017 г. уровень симпатий к США в Японии упал ниже 80 % – до 78,4 %. В 2018 г. тенденция сохранилась: уровень симпатий к США упал до 75,5 %, а уровень антипатий вырос до 22,4 %. Без сомнения, основная причина – негативное отношение японцев к Д. Трампу. При этом 74,3 % респондентов считают отношения между странами хорошими, а 94,5 % (это самый высокий процент из стран, участвовавших в опросе) полагают, что необходимо развивать отношения с США. Вероятно, позитивное отношение к США как к успешной стране у японцев вступает в противоречие с негативным их отношением к лидеру этой страны.

Россия. После двухпроцентного подъёма уровня симпатий к России в 2016 г. (с 17,4 % до 19,3 %), вызванного началом современного политического цикла в двусторонних отношениях, в 2017 г. произошла коррекция – снижение уровня симпатий до 18 %. Этот уровень сохраняется и в 2018 г. Вероятно, это связано с тем, что многочисленные переговоры лидеров стран «Путин – Абэ», которые до саммита G20 в г. Осака в июне 2019 г. встречались 25 раз, не привели к заметным результатам для японцев: ни проблема мирного договора, ни территориальная проблема не сдвинулись с «мёртвой точки» в сторону какого-либо решения. Сторонам даже не удалось наладить совместное освоение «спорных островов», хотя традиционные безвизовые обмены не прекращались. При этом лишь 22,2 % японцев считают двусторонние отношения хорошими, тогда как 71,9 % – плохими. Но 79,8 % респондентов всё-таки считают необходимым развивать отношения с Россией.

Китай. Уровень симпатий и антипатий японцев к Китаю сравним с уровнем симпатий и антипатий к России, хотя Россия, в отличие от Китая, не представляет для Японии активной военной угрозы. С 2016 г. число симпатизирующих Китаю японцев медленно, но

² Землетрясение 11 марта 2011 г. у восточного побережья острова Хонсю в Японии. – Прим. ред.

стабильно растёт: 16,8 % – в 2016 г., 18,7 % – в 2017 г. и 20,8 % – в 2018 г. Соответственно, уровень антипатий падает: 80,5 % – в 2016 г., 78,5 % – в 2017 г. и 76,4 % – в 2018 г. Данный тренд отсутствует в японо-российских отношениях. Однако лишь 18,3 % японцев считают отношения между Японией и Китаем хорошими, тогда как 78,1 % – плохими. 81,2 % японцев считают важным развивать отношения с Китаем.

Республика Корея. Уровень симпатий и антипатий японцев к Южной Корее находится где-то между США с одной стороны, и России/Китая – с другой, хотя симпатизирующих этой стране японцев меньше, чем тех, кто проявляет антипатию: 40 % против 60 %. 30,4 % японцев признают двусторонние отношения хорошими, а 65,7 % – нет. 69,8 % японцев считают нужным развивать отношения с Республикой Корея, однако это самый низкий показатель из стран, участвовавших в опросе.

Россияне о Японии и её территориальных претензиях

2018 год был объявлен правительствами России и Японии перекрёстным годом – Годом Японии в России со слоганом: «Есть Япония, которую вы не знаете» и Годом России в Японии со слоганом: «Есть Россия, которую вы не знаете». Формально он был открыт президентом России В.В. Путиным и премьер-министром Японии Абэ Синдзо 26 мая 2018 г. в Москве в Большом театре [Президент России, 26.05.2018], а закрыт – 29 июня 2019 г. после двусторонней церемонии, которая прошла после окончания саммита G20 в г. Осака [Президент России, 29.06.2019]. По случаю такого рода активизации российско-японских гуманитарных отношений в России повысился публичный интерес к Японии, что проявилось в увеличении числа публикаций по японской тематике в отечественных СМИ. При этом ведущие российские социологические службы – ВЦИОМ, ФОМ и Левада-Центр – также провели опросы об отношении россиян к Японии и её территориальным претензиям на южные Курильские острова.

Например, 30 ноября 2018 г. Левада-Центр опубликовал результаты исследования «Российско-японские отношения» (опрос проведён 22–28 ноября 2018 г.) [Левада-Центр, 30.11.2018]. По данным этого опроса, «внимательно следят за новостями вокруг возможной передачи Японии части Курильских островов» – 19 % респондентов, «что-то слышали, но не разбираются» – 49 %, первый раз услышали – 31 %, затруднились ответить – 1 %. При этом на вопрос, который был поставлен следующим образом: «Проблема принадлежности южных Курильских островов является препятствием для полного урегулирования российско-японских отношений и подписания мирного договора между нашими странами. Вы лично в целом поддержали бы или не поддержали бы идею передать Японии несколько островов Курильской гряды, чтобы заключить мирный договор и развивать экономическое сотрудничество между Россией и Японией?», 17 % респондентов выбрали ответ «скорее поддержали бы», 74 % – «скорее не поддержали бы» и 9 % респондентов затруднились с ответом.

Характерно, что ранее вопрос звучал в другой, более категоричной формулировке, однако доля негативного отношения к передаче Японии каких-либо островов всё равно остаётся на высоком уровне – 70–80 %, но доля поддержки передачи в обмен на экономическое сотрудничество заметно увеличилась – с 4–12 % до 17 % (табл. 6).

Таблица 6. Долгие годы камнем преткновения в отношениях между Россией и Японией был вопрос о спорных островах южной части Курильской гряды. Вы в принципе за или против того, чтобы Россия передала Японии эти острова? (один ответ), %

Варианты ответов:	авг. 1992	окт. 1992	фев. 1993	дек. 1994	январь 1998	окт. 1998	нояб. 1998	дек. 2002	авг. 2005	авг. 2009	фев. 2011	май 2016
За	11	12	8	7	6	8	7	7	4	8	4	7
Против	71	72	77	76	82	78	79	85	87	82	90	78
Затруднились ответить	18	16	15	17	13	14	14	8	9	10	6	15

Источник: [Левада-Центр, 30.11.2018]

При общем традиционно негативном отношении россиян к территориальным претензиям Японии, интерес и симпатии к Японии в России остаются на высоком уровне: 50–80 % респондентов говорят об «очень хорошем» и «хорошем» отношении к Стране восходящего солнца (табл. 7). Однако в 2018 г. их доля составила 61 %, что заметно меньше, чем 82 % в 2000 г., когда переговоры президента России В.В. Путина с премьер-министром Японии Ёсиро Мори (премьер-министр с 5 апреля 2000 г. по 26 апреля 2001 г.) и подписание ими ряда двусторонних документов привели к пику взаимного интереса, но на 13 % больше, чем в 2017 г.

Таблица 7. Как вы в целом относитесь сейчас к Японии? (один ответ), %

Варианты ответов:	май 1990	апр. 1993	июль 2000	июль 2003	нояб. 2004	авг. 2005	май 2008	окт. 2009	май 2011	март 2013	март 2016	сен. 2016	дек. 2017	нояб. 2018
Очень хорошо	28	23	10	15	13	9	8	12	6	7	9	5	6	10
В основном хорошо	52	41	72	66	62	63	59	66	64	60	55	51	42	51
В основном плохо	2	8	6	9	14	13	13	11	15	13	12	17	22	13
Очень плохо	<1	2	1	2	3	3	2	1	2	3	3	4	8	7
Затруднились ответить	18	26	10	8	9	13	18	10	13	17	22	23	22	19

Источник: [Левада-Центр, 30.11.2018]

В декабре 2018 г. Фонд общественного мнения провёл опрос по широкому спектру отношений между Россией и Японией. Некоторые результаты этого опроса представлены на рис. 1–4. Россиян, которые считают Японию дружественной страной, в 2018 г. оказалось 49 %, тогда как противоположного мнения придерживаются 27 % респондентов. 50 % респондентов считают, что проблема Курильских островов одинаково важна для обеих стран. В итоге преобладает мнение (55 % сторонников), что Япония должна отказаться от территориальных притязаний, Курилы должны принадлежать России. В то же время, существенная доля участников опроса – 12 %, а в ДФО 20 % – за совместное управление островами. Остальные варианты у россиян менее популярны.

Рис. 1. Как вы считаете, Япония – это дружественное или недружественное по отношению к России государство? (в %)

Рис. 2. Как вы считаете, в настоящее время между Россией и Японией сложились в целом хорошие или плохие отношения? (в %)

Рис. 3. Между Россией и Японией существует спор о принадлежности четырех островов Курильской гряды. Знаете ли вы, что-то слышали или слышите сейчас впервые об этой проблеме? (в %)

Рис. 4. Как вы считаете, для кого проблема Курильских островов более важна: для России, для Японии, или она одинаково важна для обеих стран? (в %)

На вопрос, «почему вы считаете, что России следует придерживаться позиции, что спорные Курильские острова должны принадлежать России, а Япония должна отказаться от претензий на них?» (открытый вопрос, задавался тем, кто считает, что позиция России на переговорах с Японией должна быть именно такой, – отвечали 55 % респондентов), первую тройку заняли ответы: «Это наша территория, нельзя раздавать свои земли» (23 %), «Эти острова отошли к России по результатам Второй мировой войны» (7 %), «Это исторически российские территории» (7 %). На вопрос, «почему вы считаете, что России следует придерживаться позиции, что спорные Курильские острова должны принадлежать Японии, а Россия должна отказаться от претензий на них?» (открытый вопрос, задавался тем, кто считает, что позиция России на переговорах с Японией должна быть именно такой, – отвечали 2 % респондентов), все ответы («эти острова принадлежат Японии», «потому что чужое нам не надо», «Япония будет лучше использовать эти острова» и др.) заняли 1 %. Наконец, на вопрос, «почему Вы считаете, что России следует придерживаться позиции, что спорные Курильские острова должны перейти в совместное управление Россией и Японией?» (открытый вопрос, задавался тем, кто считает, что позиция России на переговорах с Японией должна быть именно такой, – отвечали 12 % респондентов), первую тройку заняли ответы: «Это выход из положения» (3 %), «Прекратить конфликт, урегулировать вопрос» (3 %), «Это выгодно обеим сторонам» (1 %).

В феврале 2019 г. ВЦИОМ провёл опрос жителей на островах Кунашир, Шикотан и Итуруп (на островах гряды Хабомаи жителей нет), задавая им вопрос: должна ли Россия, по их мнению, передать Японии «южные острова Курильской гряды» [ВЦИОМ, 19.02.2019].

На вопрос, «известно ли Вам о том, что Япония требует от России передачи ей южных островов Курильской гряды, или неизвестно об этом?», 98 % респондентов ответили, что знают, 1 % – не знают и 1 % – затруднились с ответом. Результаты этого опроса представлены в табл. 8 и 9. Согласно опросу, 98 % респондентов не считают нужным передавать Японии острова, причём это мнение практически не зависит от возраста респондентов. Полученные данные опроса устойчивы, а мнение населения Курильских островов подтверждено предыдущим исследованием ВЦИОМ, проведенным в конце января 2019 г.

Таблица 8. Как Вы считаете, Россия должна или не должна передать Японии южные острова Курильской гряды? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

	Все опрошенные	Жители о. Итуруп	Жители о. Кунашир	Жители о. Шикотан
Должна передать	2	1	2	3
Не должна передать	96	97	96	92
Затрудняюсь ответить	2	2	2	5

Таблица 9. Как Вы считаете, Россия должна или не должна передать Японии южные острова Курильской гряды? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

	Все опрошенные	18-24 года	25-34 года	35-44 года	45-59 лет	60 и старше
Должна передать	2	2	1	1	2	3
Не должна передать	96	95	97	97	95	94
Затрудняюсь ответить	2	3	2	2	3	3

Во многих отечественных опросах используется формулировка «южные острова Курильской гряды», поэтому не совсем ясно, о каких конкретно островах идёт речь: о Малой Курильской гряде (гряда Хабомаи и о. Шикотан) или обо всех южных Курильских островах (гряда Хабомаи, о-ва Шикотан, Кунашир и Итуруп). Таким образом, российские социологические службы, как правило, стараются не выделять из территориальной проблемы, уже много лет стоящей на повестке российско-японских переговоров, две принципиальные позиции: позицию Японии, требующую вернуть «северные территории», т.е. все «четыре» острова, и позицию, обозначенную в Совместной декларации СССР и Японии 1956 г. о возможной передаче Японии после подписания мирного договора только Малой Курильской гряды. Очевидно, что российская общественность, отвечая на поставленные вопросы, исходит из потенциально худшего для России варианта – японского.

В свою очередь по инициативе МИД Японии в феврале 2019 г. в России был проведён телефонный опрос о «северных территориях», в котором приняли участие 3 600 человек от 18 до 69 лет [NHK, 23.05.2019]. Респондентов спрашивали, знают ли они, что Япония и Россия так и не заключили мирный договор даже спустя более 70 лет с момента окончания Второй мировой войны. 59 % респондентов ответили, что им это известно, а 41 % – об этом не знали.

Отвечая на вопрос о «четырёх» островах – Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп, 53 % опрошенных считают, что эти территории – российские и что их принадлежность России сохранится и в будущем, 41 % – полагают, что Москва и Токио должны вести переговоры и договориться, и только 2 % респондентов отметили, что острова должны принадлежать Японии.

Также ежегодно российские социологические службы проводят опрос об отношении россиян к разным странам в контексте восприятия респондентами той или иной страны как «друга, союзника» или как «недруга, врага». Например, в опросе Левада-Центр [Левада-Центр, 14.06.2019] респонденты отвечали на два вопроса: о странах, дружественных России (табл. 10), и о странах, враждебно относящихся к России (табл. 11).

Таблица 10. «Назовите пять стран, которые вы могли бы назвать наиболее близкими друзьями, союзниками России?» (в %, респондентам предлагалась карточка со списком стран, и они могли назвать несколько стран; ответы ранжированы по убыванию в 2019 г.; в таблице приводятся страны, набравшие $\geq 1,4$ % в 2019 г.)*

№	Страна	Год									
		2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
1	Беларусь	49	35	34	46	51	55	50	46	49	62
2	Китай	16	18	16	20	40	43	34	39	40	42
3	Казахстан	32	33	28	31	37	41	39	34	32	38
...											
18	Япония	5	5	4	4	4	2	5	4	7	6
...											
	Нет таких	11	11	17	15	13	11	14	12	10	4
	Затруднились ответить	12	15	18	14	16	14	11	14	10	7

*) Приведены первые три страны и место Японии в общем списке из 42 стран.

Таблица 11. «Какие пять стран вы назвали бы наиболее недружественно, враждебно настроенными по отношению к России?» (в %, респондентам предлагалась карточка со списком стран, и они могли назвать несколько стран; ответы ранжированы по убыванию в 2019 г.; в таблице приводятся страны, набравшие $\geq 1,4$ % в 2019 г.)*

№	Страна	Год									
		2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
1	США	26	33	35	38	69	73	72	69	78	67
2	Украина	13	20	15	11	30	37	48	50	49	40
3	Великобритания	6	8	7	9	18	21	18	15	38	38
...											
15	Япония	3	9	6	7	5	6	5	6	3	4
...											
	Нет таких	4	14	7	7	3	3	5	3	2	3
	Затруднились ответить	17	1	21	24	17	14	10	11	10	7

*) Приведены первые три страны и место Японии в общем списке из 30 стран.

В обоих случаях Япония находится в середине списка стран, причём с долей респондентов, которая соизмерима с долей тех, кто «затруднился ответить». Возможно, это говорит о том, что Япония в глазах россиян скорее нейтральная страна, чем «друг» или «враг». Другими словами, уровень доверия россиян к Японии не настолько высок, чтобы они считали её другом и союзником. Вероятно, что японо-американский договор безопасности 1960 г. и территориальные претензии Японии к России играют здесь ключевую роль.

Выводы

1. Серьёзных изменений настроений граждан Японии в отношении ряда стран опрос 2018 г. не зафиксировал. Сохранились и основные тенденции прошлых лет: падает уровень симпатий японцев к США, относительно стабильно их негативное отношение к России и Китаю, менее негативное, но также стабильное, – к Республике Корея.

2. КНДР для японцев остаётся страной-изгоем и источником военных угроз. Судя по всему, этот взгляд на Северную Корею в Японии не претерпел серьёзных изменений после переговоров между президентом США Д. Трампом и лидером КНДР Ким Чен Ыном в июне 2018 г.³

3. В России идея передачи Японии южных Курильских островов продолжает оставаться крайне непопулярной. Однако к ведению переговоров с Японией по вопросу подписания мирного договора с урегулированием территориальной проблемы заметная часть россиян относится с пониманием. Также часть россиян не против и совместного освоения островов.

Возможно, российской и японской сторонам имеет смысл подумать над более корректной постановкой задачи заключения мирного договора, чтобы народы двух стран могли понять и оценить положительные стороны этого документа.

4. Проведение перекрёстного года России и Японии в самой Японии не привело к существенному улучшению мнения японцев о России, что говорит о низком качестве «мягкой силы» России в Японии. Очевидно, что такой результат связан с отсутствием позитивных сдвигов в вопросе заключения мирного договора с решением территориальной проблемы. В то же время, стабильно низкий за последние годы уровень симпатий японцев к России – в районе 18 % (уровень антипатий – порядка 80 %) – позволяет предполагать, что, например, заявление президента России В.В. Путина от 22 июня 2019 г. о том, что планов передачи южных Курильских островов Японии у России нет [Интерфакс, 22.06.2019], существенным образом не скажется на общем весьма «прохладном» отношении японцев к России.

5. Можно отметить дефицит доверия между народами России и Японии. А в такой ситуации, в частности, практически невозможно принимать политические решения, которые бы привели к достижению компромисса по столь болезненной для двух стран территориальной проблеме.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гайко-ни кансуру ёронтёса [Опрос общественного мнения по внешним отношениям]. URL: <https://survey.gov-online.go.jp> (дата обращения: 01.07.2019). (На яп.).

Жители Курильских островов о государственной принадлежности их «малой родины» // ВЦИОМ. № 3882. 19.02.2019. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9563> (дата обращения: 01.07.2019).

Опрос по Северным территориям в России: «должны договориться» – более 40 % // NHK, 23.05.2019 04:05. URL:

³ Первый саммит прошёл в Сингапуре 12 июня 2018 г., второй – во Вьетнаме 27–28 февраля 2019 г. третий – в Республике Корея 30 июня 2019 г.

<https://www3.nhk.or.jp/news/html/20190523/k10011925301000.html> (дата обращения: 01.07.2019). (На яп.).

Открытие перекрёстных годов России и Японии // Президент России. 26.05.2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57567> (дата обращения: 01.07.2019).

Путин заявил об отсутствии планов передачи Южных Курил // Интерфакс. 22.06.2019 11:48. URL: <https://www.interfax.ru/russia/666254> (дата обращения: 01.07.2019).

Российско-японские отношения // Левада-Центр. 30.11.2018. URL: <https://www.levada.ru/2018/11/30/rossijsko-yaponskie-otnosheniya/> (дата обращения: 01.07.2019).

Россия, Япония и проблема Курил // ФОМ. 27.12.2018. URL: <https://fom.ru/Mir/14152> (дата обращения: 01.07.2019).

«Союзники» и «враги» среди стран // Левада-Центр. 14.06.2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/06/14/soyuzniki-i-vragi-sredi-stran/> (дата обращения: 01.07.2019).

Церемония закрытия перекрёстных годов России и Японии // Президент России. 29.06.2019 12:40. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60858> (дата обращения: 08.07.2019).

REFERENCES

Gaikō ni kansuru seronchōsa [Public opinion polls on diplomacy]. URL: <https://survey.gov-online.go.jp> (In Japanese).

Otkrytiye perekrestnykh godov Rossii i Yaponii [Opening of the Cross years of Russia and Japan], *Prezident Rossii* [*President of Russia*], 26 May 2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57567> (accessed: 1 July 2019). (In Russian).

Putin zayavil ob otsutstvii planov peredachi Yuzhnykh Kuril [Putin declared lack of plans for transfer of the Southern Kurils], *Interfax*, 22 June 2019 11:48. URL: <https://www.interfax.ru/russia/666254> (accessed: 1 July 2019). (In Russian).

Roshia de seronchōsa Hoppōryōdo “hanashiai gōi subeki” 4-wari chō gōi [Russia's opinion poll about Northern territory: “should talks agreement” – more than 40 %], *NHK*, 23 May 2019 04:05. URL: <https://www3.nhk.or.jp/news/html/20190523/k10011925301000.html> (accessed: 1 July 2019). (In Japanese).

Rossiya, Yaponiya i problema Kuril [Russia, Japan and the problem of Kurils], *FOM*, 27 December 2018. URL: <https://fom.ru/Mir/14152> (accessed: 1 July 2019). (In Russian).

Rossiysko-yaponskiye otnosheniya [Russian-Japanese relations], *Levada-Tsentr*, 30 November 2018. URL: <https://www.levada.ru/2018/11/30/rossijsko-yaponskie-otnosheniya/> (accessed: 1 July 2019). (In Russian).

“Soyuzniki” i “vragi” sredi stran [“Allies” and “enemies” among countries], *Levada-Tsentr*, 14 June 2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/06/14/soyuzniki-i-vragi-sredi-stran/> (accessed: 1 July 2019). (In Russian).

Zhiteli Kuril'skikh ostrovov o gosudarstvennoy prinadlezhnosti ikh “maloy rodiny” [Inhabitants of the Kuril Islands about the state accessory of their “small homeland”], *VTSIOM*, №3882, 19.02.2019. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9563> (accessed: 1 July 2019). (In Russian).

Tseremoniya zakrytiya perekryostnykh godov Rossii i Yaponii [The closing ceremony of the Cross years of Russia and Japan], *Prezident Rossii* [*President of Russia*], 29 June 2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60858> (accessed: 8 July 2019). (In Russian).

Для цитирования: Казаков О.И. Об отношении японцев к другим странам и россиян к Японии в 2018 году // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 1. С. 24–36.

For citation: Kazakov O.I. (2019). Ob otnoshenii yaponitsev k drugim stranam i rossiyan k Yaponii v 2018 godu [The attitude of the Japanese to other countries and the Russians to Japan in 2018], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [*East Asia: Facts and Analytics*], 2019, 1: 24–36. (In Russian).

Сотрудничество Китая и России в Центральной Азии: партнёры или конкуренты?

В.Р. Вакилова

Аннотация. После краха отношений России с Западом из-за ситуации с Украиной, китайско-российское стратегическое партнёрство обрело более перспективный характер. Россия и Китай преследуют общую цель – бросить вызов принципам международной системы, в которой доминирует Запад. Но отношения между государствами сложны, с сохраняющимся недоверием с обеих сторон. Баланс конкуренции и сотрудничества наиболее очевиден в Центральной Азии. На данный момент Китай занимает более выигрышную позицию в регионе – положение Китая в Центральной Азии является довольно стабильным, благодаря повышению уровня безопасности региона и инвестирования. Китай держит верх в отношениях, и эта асимметрия будет расти за счёт России. Но всё же Россия и Китай гораздо больше выиграют от сотрудничества, нежели чем от конкуренции. За исключением маловероятной коррекции курса в отношениях России с Западом, партнёрство будет укрепляться.

Ключевые слова: «Один пояс, один путь», Китай, Россия, возрастание конкуренции, Центральная Азия, стратегическое партнёрство, политика добрососедства.

Автор: Вакилова Виолетта Рустамовна, аспирант Института Философии РАН. ORCID: 0000-0002-8437-9358; E-mail: violettavakilova@gmail.com

China-Russia cooperation in Central Asia: partners or competitors?

V.R. Vakilova

Abstract. After the collapse of Russia's relations with the West due to the situation with Ukraine, the Sino-Russian strategic partnership has gained a more promising character. Russia and China have a common goal – to challenge the principles of the international system, where the West dominates. But the relations between the States are complicated, with continued mistrust on both sides. The balance of competition and cooperation is most evident in Central Asia. At the moment, China occupies a more advantageous position in the region – China's position in Central Asia is quite stable, thanks to the increased security of the region and investment. China holds the upper hand in relations, and this asymmetry will continue to grow at the expense of Russia. But still, Russia and China will only benefit from cooperation rather than from competition. With the exception of an unlikely course correction in Russia's relations with the West, the partnership will strengthen.

Keywords: Belt and Road Initiative, China, increasing competition, Central Asia, strategic partnership, good neighborliness policy.

Author: Vakilova Violetta R., postgraduate student, the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-8437-9358; E-mail: violettavakilova@gmail.com

Введение

После распада СССР, Россия и Китай превратили свои отношения из противников холодной войны в прагматичных партнёров, которые преследуют общую цель – оттеснение международной системы, в которой доминирует Запад. Отношения между государствами носят тактический, «оппортунистический» характер с обоюдными политическими и экономическими интересами. Разделяя геополитическое мировоззрение многополярности, оба государства имеют твердое желание сдержать западную мощь и стремятся ускорить то, что они считают ослаблением политической стратегии США. С общим желанием перенести центр мировой власти с евроатлантического пространства в направлении АТР, Москва и Пекин стремятся переписать хотя бы некоторые правила глобального управления, предполагая, что их партнёрство становится стратегическим. Тем не менее, китайско-российские отношения сложны, с всё ещё сохраняющимся недоверием с обеих сторон. Несмотря на грандиозные амбиции в вопросах укрепления сотрудничества, озвученные лидерами двух стран, достижение существенных результатов зачастую имеет неопределённый характер, особенно на Дальнем Востоке, где реализация множества торговых, инвестиционных и инфраструктурных сделок, объявленных с 2014 г., была существенно затруднена. Многие области, где Россия и Китай сейчас активно сотрудничают: энергетика, транспортная инфраструктура, телекоммуникации – были де-факто закрыты для китайских партнёров России всего лишь несколько лет назад, так как Москва на тот момент сосредоточила больше усилий на привлечении Европы в качестве своего приоритетного экономического партнёра, источника международного финансирования и поставщика передовых технологий. Поворот Москвы к Китаю, ускоренный крахом ее отношений с Западом из-за Украины, позволил Кремлю сохранить некоторые из своих самых важных государственных активов, таких как Газпром, Роснефть и Ямал СПГ, несмотря на западные санкции.

Технологический прогресс, которого могут достичь китайские компании, работая в РФ, мог бы сыграть весомую роль в увеличении конкурентоспособности КНР и развитии инноваций в глобальном масштабе. Однако для России этот шаг имеет явные негативные последствия. Пекин явно сейчас доминирует в экономических и политических отношениях с РФ. КНР всё чаще использует это доминирование в своих интересах, но нередко чисто символически уступает России, предпринимая попытки стабилизации дисбаланса в российско-китайских отношениях, поскольку Москва стремится укрепить свои позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Пекин признает необходимость учета российских интересов. Выдвижение Китаем инициативы «Один пояс, один путь», которая укрепляет экономическое доминирование Китая в Центральной Азии, может принести в экономическом плане пользу и России.

Этот «шаг навстречу» Москве способствовал решению вопроса безопасности в Евразии: обеспокоенность китайского правительства нестабильностью в Центральной Азии и Афганистане усилила интерес Пекина к тому, чтобы стать «поставщиком безопасности» в регионе, однако именно этот шаг может вызвать с течением времени существенные проблемы в отношениях с Россией. До сих пор Россия и Китай успешно справлялись со своими разногласиями в Центральной Азии и на Дальнем Востоке России, но в долгосрочной перспективе потенциально различные интересы остаются. Китай стремится урегулировать

российскую политическую нестабильность на Дальнем Востоке, обещая инвестиции для ускорения экономического развития региона, что вызывает обеспокоенность российского населения по поводу энергично растущих геэкономических и геополитических амбиций Пекина в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Данная статья посвящена анализу возможностей и перспектив кооперации между Россией и Китаем в регионе Центральной Азии.

Выявлен следующий спектр проблем:

1. Связь политики, экономики и лидерства Китая и России в Центральной Азии – анализ роли двух государств в регионе.
2. Общность поставленной цели: Россия и Китай могут быть конкурентами, а могут быть партнёрами.

Целью статьи является анализ политики России и Китая в Центральной Азии: конкуренция стран или стратегия добрососедства. Для решения поставленной цели установлен ряд основных задач:

1. Анализ развития китайско-российских отношений.
2. Выявление перспектив взаимодействия Москвы и Пекина в Центральной Азии.
3. Исследование роли обоих государств в регионе Центральной Азии.

История развития российско-китайских отношений: возрастание конкуренции или надежное добрососедство?

В конце холодной войны мало кто мог предугадать благоприятное развитие российско-китайских отношений в XXI в. У двух государств была долгая и сложная история, восходящая к 1800-м гг., когда экспансия России на Восток через Сибирь привела к тому, что Китай отдал Российской империи более чем 1,5 млн кв. км территории. Потрясённые войнами и революциями в XX в., обе страны стали союзниками, хоть и на весьма непродолжительный срок. Союз образовался в 1949 г., сразу же после провозглашения Китайской Народной Республики, когда СССР направил в Китай гуманитарную и экономическую помощь. В то время Москва твердо стояла во главе мирового социалистического движения и являлась гораздо более сильным партнёром в китайско-советских отношениях. Однако в эпоху правления Хрущёва два государства идеологически раскололись, превратившись к 1960-м гг. в противников с сильно милитаризованной границей, протяженность которой составляла около 4400 км.

После распада СССР, Китаю удалось нормализовать отношения с Россией – началась новая эра отношений между двумя странами. Разрешение пограничного спора, развитие экономических связей – были основными аспектами политики сотрудничества РФ и КНР. В связи с этим, нормализация отношений перешла в русло добрососедского партнёрства, а уже к 1996 г. Россия и Китая являлись надёжными стратегическими партнёрами. При президентстве Ельцина Россия двинулась на Запад, надеясь на помощь США и Европы в продвижении демократических реформ. Но, несмотря на попытки России как-то наладить ситуацию, реформы полностью провалились – страна переживала период постсоветского экономического и социально-политического кризиса. НАТО первоначально приняла Москву в качестве партнёра в начале 1990-х гг. Но, невзирая на вроде бы благоприятное сотрудничество, проводила операции на Балканах против воли Москвы, и, в конечном итоге,

увеличив своё влияние по всей Евразии, максимально расширилась за счёт бывших стран Варшавского Договора.

В отличие от России, Китай не испытывал подобного разочарования в отношении Запада. После событий на площади Тяньаньмэнь 1989 г. («События 4 июня») у Пекина отсутствовал стимул к запуску программ политической либерализации, а также к партнёрству с Западом и поиску поддержки со стороны Америки или Европы. Став свидетелем политического хаоса в позднем Советском Союзе и ранней постсоветской России, Китай выбрал иной путь. Держа свою политическую систему закрытой, Китай либерализовал рынок, привлек иностранных инвесторов и постепенно превратился в мировую «фабрику». Стратегия Китая увенчалась успехом и привела к широкомасштабной урбанизации, развитию инфраструктуры и экономическому росту без ослабления централизованного правления и политического контроля Коммунистической партии [Парамонов В.В., 2008]. С тех пор Китай превратился в государство со второй по величине экономикой мира.

Россия и Китай имели различные пути развития, однако растущее разочарование России в Западе в сочетании с растущими международными амбициями Китая ещё более ускорили китайско-российское сближение. В июле 2001 г. Россия и Китай подписали «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве», который устанавливал двусторонние отношения, основанные на «взаимном уважении суверенитета и территориальной целостности», а также невмешательстве во внутренние дела, равенстве и взаимной выгоде. Китай и Россия начали координировать свои позиции в Организации Объединенных Наций (ООН) и других международных органах. В 1997 г. Россия и Китай представили на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН «совместную декларацию о многополярном мире и установлении Нового Мирового Порядка», что явилось одним из первых свидетельств их общего несогласия с доминированием Запада в международной системе. Оба государства также сотрудничали в рамках АТЭС, G20 и БРИКС. В 2003 г. они оба выступили в ООН против войны в Ираке, подвергнув критике вмешательство Запада в Ливии. На данный момент и Россия, и Китай подчёркивают, что это вмешательство привело к нестабильности, которую свержение Муаммара Каддафи принесло в регион [Evan A. Feigenbaum, 2016]. Однако ни одна из обеих стран не приняла никаких конкретных решений для стабилизации положения на Ближнем Востоке в целом.

Если говорить о партнёрстве государств, проанализировав историю их сотрудничества, то стоит отметить следующие аспекты:

1. Россия рассматривает Китай в качестве экономического партнёра – поставщика средств для поддержки и стабилизации своей экономики;

2. Китай, прежде всего, извлекает выгоду из сотрудничества: в то время, как Москва стремится нейтрализовать западную военную и экономическую мощь, Китай минимизирует «удар на себя» со стороны Запада, уступая лидерство России в противостоянии западной политике за рубежом.

Объединив усилия в качестве «добрососедских» партнёров, Россия и Китай сконцентрировали внимание на Центральной Азии и на Дальнем Востоке, их индивидуальные интересы и способность управлять этими различиями в поставленных целях способствуют поддержанию стратегического сотрудничества.

Различия во взглядах Китая и России на многополярность, глобальное управление и международный порядок

В 1989 г. с окончанием холодной войны биполярный мир (США и СССР) постепенно сменяется многоцентричным, где не должно быть двух противоборствующих центров и периферии в виде третьего мира, но теоретически каждой самостоятельной страной будет проводиться своя внутренняя и внешняя политика. Россия и Китай поддерживают переход к плюралистическому мировому порядку с усиленной ролью для них и меньшей для Запада. Оба государства приняли многополярность, но их взгляды на глобальное управление и суверенитет расходятся, как и их подходы к перестройке международного порядка. Взгляд России на многополярность состоит в том, что международная система, в которой доминирует Запад после холодной войны, отодвинула на второй план интересы безопасности.

Многополярность означает международную систему, где власть сбалансирована между влиятельными глобальными игроками с уменьшенной ролью США, а также либеральными ценностями, которые якобы были навязаны другим государствам. Россия, особенно с 2014 г., бросила вызов нынешнему порядку, продемонстрировав готовность пойти на существенный риск ослабления Запада в рамках международной системы [Сафронова Е.И., 2016].

В отличие от России, Китай признаёт, что он извлёк выгоду из международного порядка, основанного на «установленных правилах» [Лузянин С.Г., 2015]. Процессы экономического либерализма и глобализации способствовали быстрому подъёму экономики Китая. Продвижение Западом прав человека и демократических ценностей, обеспечивающее глобальное лидерство США, позволило КНР сосредоточиться на развитии внутренней политики за последние несколько десятилетий.

Пекин является одним из крупнейших бенефициаров Всемирного банка, что вызвало международное доверие к государству. Китай стремится реформировать систему глобального управления прежде всего по следующим причинам:

1. Увеличение политического влияния государства на международной арене;
2. Соответствие экономическому могуществу США и Европы.

Китай стремится внести прямые изменения в распределение власти в нынешней системе, он не видит большой выгоды в свержении существующих институтов.

В то время как Россия стремится использовать разногласия и ослабить европейское единство, Китай по-прежнему считает, что стабильный Европейский Союз отвечает его интересам по коммерческим и экономическим причинам [Лузянин С.Г., 2017]. Важность ЕС для Пекина, вероятно, ещё больше возрастёт, если американо-китайские отношения ухудшатся из-за торговой войны. Вызов, брошенный Китаем, заключается в создании и поддержке параллельных региональных организаций и учреждений, таких, например, как Азиатский Банк Инфраструктурных Инвестиций. Данные факторы демонстрируют Западу, что Китай будет продвигать альтернативные модели управления, если существующие институты проигнорируют призывы Пекина к большему влиянию внутри них.

Политика РФ и КНР в регионе Центральной Азии

Центральная Азия является свидетелем восстановления баланса сил между РФ и КНР. Становится очевидным тот факт, что роль России значительно снижается, а Китай становится одним из самых влиятельных игроков в регионе. Рассмотрим политику Китая и России в регионе Центральной Азии.

Китай

Политика Китая в Центральной Азии складывается из следующих факторов:

1. В отличие от Запада, Китай не требует политических реформ от стран Центральной Азии.
2. В отличие от России, Пекин не использует политическое давление, чтобы удержать регион в его общей ориентации.
3. Как таковое отсутствие открытой политической повестки дня, помимо региональной стабильности, делает Китай особенно привлекательным для местных правительств.

Присутствие КНР растет по всей постсоветской Евразии, его расширяющееся геополитическое и геоэкономическое влияние наиболее поразительно в Центральной Азии. С ожидаемым расширением китайского влияния по всей Евразии, включая Россию, поддержание положительной динамики с Москвой в Центральной Азии останется одним из важнейших факторов китайской политической и экономической дипломатии [Russia-China Cross-Border Infrastructure Important for Bilateral Trade, 2017]. Россия не может конкурировать с Китаем экономически, кроме того политика, связанная с ситуацией в Украине, оттолкнула центральноазиатские политические элиты. Однако большинство целей Китая, такие как политическая стабильность, экономический рост и сдерживание Запада, либо полностью совпадают с интересами РФ, либо просто не противоречат заданным политическим целям России в регионе Центральной Азии.

Активное содействие социально-политической стабильности в регионе является первоочередной задачей Китая в Центральной Азии. И Россия, и Китай опасаются возможности народного протеста, несогласия – в связи с этим, оба государства заинтересованы в сохранении статус-кво, а не его тотальной трансформации [Лузянин С.Г., 2018]. Правительства двух стран выражают беспокойство, что экстремизм «плавно перетечёт» на территорию Центральной Азии из Афганистана или стран Ближнего Востока – двух самых небезопасных регионов мира. Вероятность высока, поскольку Центральная Азия граничит как с Россией, так и с Китаем. Однако, несмотря на то, что интересы РФ и КНР симметричны относительно необходимости сдерживания радикального экстремизма, их подходы к обеспечению стабильности в регионе значительно различаются. Россия ориентирована на «жесткую» власть в Центральной Азии – военные базы и антитеррористическое сотрудничество через Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Китай же концентрирует свои усилия на стабилизации Центральной Азии, уделяя внимание наращиванию экономической мощи, а не применению военных инструментов или инструментов безопасности. Если Россия стремится подчеркнуть своё геополитическое влияние и всецело рассматривает регион как «часть своей привилегированной сферы

влияния», то геополитическая стратегия Китая имеет несколько иной смысл. Воссоздавая зону стабильности на западе (Синьцзян-Уйгурский автономный район), правительство Китая рассматривает процветание по одну сторону границы как содействие обеспечению и поддержанию процветания по другую. Данный аспект говорит о том, что интересы Китая в регионе в значительной степени проистекают из его необходимости поддерживать спокойствие Западного Китая, развивать его экономический потенциал и более тесно связывать его с внешним миром.

Также правительство Китая преследует цель найти внешние рынки для китайских компаний, занимающихся строительством и развитием инфраструктуры, в рамках стратегии Go Global (кит. Go Out policy). Россия также стремится участвовать в торгах на различные инфраструктурные проекты в Центральной Азии [Charles Clover, 2016]. Однако сектор уже достаточно переполнен японскими, южнокорейскими и турецкими организациями, которые обладают большим потенциалом и высокой конкурентоспособностью, чем их российские коллеги. Китай заинтересован в создании транспортных сетей, которые могут помочь поддержать китайские экспортные потоки. Если стратегия примет благоприятную сторону развития, то Россия и Китай достигнут общей цели – ускорения передачи глобальной власти с Запада на Восток.

Россия

Россия является основным торговым партнёром Центральной Азии. Но коммерческие связи между Россией и регионом существенно атрофировались за последнее десятилетие. Объем двусторонней торговли России с государствами Центральной Азии в 2018 г. составил около 19,2 млрд долл. по сравнению с показателями Китая в 31 млрд долл. за этот же период. Экономические проблемы России с 2014 г. спровоцировали ослабление ее позиций в регионе [Elizabeth Plantan, 2017]. Например, в 2016 г. Кыргызстан отменил проект по строительству гидроэлектростанций с несколькими российскими компаниями, сославшись на неспособность российских предприятий обеспечить достаточный уровень финансирования. В Таджикистане российские военные периодически не могли платить местному таджикскому персоналу на военной базе, даже несмотря на то, что база якобы служит ключевым оплотом в защите России от региональной нестабильности.

Россия стремится поддерживать своё влияние путём применения политики «мягкой силы» – русскоязычное телевидение, кино, СМИ, интеграция русской культуры и истории, при этом максимально ограничивая роль Запада. Политические элиты Центральной Азии рассматривают активно увеличивающееся присутствие Китая в регионе как весьма положительный аспект – китайские инвестиции в инфраструктуру помогут диверсифицировать экономику и будут способствовать более широкому экономическому развитию. Это в значительной мере благоприятно влияет на стабилизацию экономики, которая зависит от добычи природных ресурсов, а также от денежных переводов мигрантов (наёмных рабочих).

Принимая во внимание данные факторы, возникает вопрос: будет ли способствовать BRI преобразованию Центральной Азии в ряд транзитных государств? Или же государства Центральной Азии будут «наращивать» более устойчивый, мощный

экономический потенциал, который впоследствии будет являться ключевым преимуществом новых инфраструктурных проектов?

Какой бы исход не приняла эта стратегия, становится очевидным тот факт, что это негативно скажется на интересах России в Центральной Азии, поскольку ещё больше уменьшает влияние государства в регионе. На данный момент, приоритетом Пекина является обеспечение того, чтобы проект BRI начал индустриализацию на стороне китайской границы. Хотя по прогнозам китайских политологов и аналитиков, маловероятно, что приграничные регионы в ближайшее время станут крупными промышленными центрами.

Также существует проблема неопределённости: насколько будет эффективен проект BRI в укреплении стабильности в Синьцзяне и на территории советской Центральной Азии, а также насколько результативна будет проводимая политика BRI в повышении уровня качества жизни в регионе [Michael D. Swaine, 2016]. «Благодаря» китайским инвестициям в Центральной Азии, которые осуществляются непрозрачными способами, в регионе процветает коррупция, а существующая «привлекательность» рабочих мест для китайцев, подпитывает неприязнь местных жителей, что негативно сказывается на безопасности региона и на уровне безработицы местного населения.

Правительство КНР не делает явных попыток поставить под сомнение роль России в Центральной Азии, тщательно избегая возможности конфликтов, как, например, между Россией и Западом. Поскольку экономический потенциал КНР в Центральной Азии, как правило, не сопровождается столь же амбициозными планами по укреплению его политического влияния в регионе, Китаю удалось предотвратить возможность напряжённости в отношениях с Россией.

Заключение

Россия и Китай становятся всё более близкими партнёрами на международной арене. Вынужденные работать вместе, преследуя основную цель – трансформацию международной системы, где сегодня ключевым актором является Запад, обе страны стремятся сдерживать политическое влияние США, которое, безусловно, крайне невыгодно для них. Также правительства двух стран открыто выражают недовольство по поводу западных усилий по поощрению прав человека и созданию более открытых политических и экономических систем.

Общность взглядов способствовала укреплению двусторонних отношений. Динамика сотрудничества стала существенно наращивать свои обороты с начала украинского конфликта в 2014 г., проистекая из общих усилий двух стран по адаптации международной системы в своих интересах: ускорение перехода центра власти из трансатлантического пространства на Восток путём перестройки глобального управления через финансовые системы и политику «мягкой силы». Однако немаловажным остается тот факт, что Китай оценивает США и Европу как наиважнейших торговых партнёров. При ухудшении отношений между КНР и США, значение Европы как ключевого рынка для Китая будет расти, что в существенной мере может ухудшить стратегическое партнёрство между странами.

Рассматривая экономический аспект сотрудничества, можно сделать вывод, что для России Китай является ключевым рынком и источником финансирования. В отличие от

Запада, Пекин не требует каких-либо политических реформ. Из-за западной политики санкций, сделавшей Россию малопривлекательным государством для ведения бизнеса, экономическое влияние Китая усиливается, растет уверенность, что китайские компании способны подорвать западных конкурентов в России.

Подорванные за последние годы отношения России с Западом, способствовали укреплению позиций Китая в российско-китайском двустороннем партнёрстве как более сильного, влиятельного актора. Несмотря на эту асимметрию, правительство Китая толерантно и с большим пиететом относится к интересам России в регионе Центральной Азии. Китайское правительство заинтересовано в оказании экономической поддержки Дальнего Востока: китайские компании инвестировали или обещали инвестировать в ключевые сектора экономики, важные для России, такие как Газпром, Роснефть, Ямал и т.д. Этот жест со стороны Китая вызывает опасения Кремля по поводу смещения динамики власти в отношениях между государствами. Ситуация с Украиной усугубила положение РФ на международной арене: многие евразийские государства активизировали свое взаимодействие с Пекином в вопросах экономики и безопасности. Это ещё больше уменьшило российское влияние в Центральной Азии, уступив лидирующую роль Китаю.

Хотя Россия и теряет своё экономическое влияние в Центральной Азии, нельзя отрицать определенного успеха в укреплении своей мягкой силы посредством культуры, языка и образования. На данный момент неизвестно, как долго Китай будет являться экономическим драйвером, а Россия – поставщиком безопасности в регионе Центральной Азии, но становится очевидным следующее: Россия и Китай, преследуя общую цель – минимизацию западного влияния в регионе, укрепили свое взаимодействие.

Россия и Китай являются могущественными державами, образующими стабильный стратегический союз. И, несмотря на существующую конкуренцию, на данный момент оба государства всё же являются взаимовыгодными партнёрами, поддерживая политику «добрососедства».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Лузянин С.Г. Китай. Глобальное управление: возможности и риски (гл. 2.3). Коллективная монография / Глобальное управление и риски / отв. ред. В.Г. Барановский, В.И. Иванова. М.: ИМЭМО РАН, 2015.

Лузянин С.Г. Россия – Китай: формирование обновленного мира; монография / отв. ред. академик В.С. Мясников, предисл. В.А. Никонов. – М.: Издательство «Весь Мир», 2018.

Лузянин С.Г. Современные российско-китайские отношения / под ред. С.Г. Лузянина (отв. ред.), А.Г. Ларина (сост.), Е.И. Сафроновой, И.В. Ушакова, Е.В. Белилиной. М.: ДеЛи плюс, 2017.

Парамонов В.В., Строчков А.В., Столповский О.А. Россия и Китай в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность. Бишкек: Обществ. фонд Александра Князева, 2008.

Сафронова Е.И. Многополярность и российско-китайское сотрудничество в контексте ШОС // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXI. М.: ИДВ РАН, 2016.

Charles Clover. Russia Resumes Advanced Weapons Sales to China, Financial Times, November 3, 2016.

Elizabeth Plantan. Comparing Recent NGO Laws in Russia and China, China NGO Project, August 10, 2017.

Evan A. Feigenbaum. China and the World, *Foreign Affairs*, December 12, 2016.

Michael D. Swaine. Chinese Views on Global Governance Since-9: Not Much New, China Leadership Monitor, no. 49, February 8, 2016.

Russia-China Cross-Border Infrastructure Important for Bilateral Trade: Russian Far East Minister, *China Daily*, November 8, 2017.

REFERENCES

Charles Clover (2016). Russia Resumes Advanced Weapons Sales to China, *Financial Times*, November 3.

Elizabeth Plantan (2017). Comparing Recent NGO Laws in Russia and China, China NGO Project, August 10.

Evan A. Feigenbaum (2016). China and the World, *Foreign Affairs*, December 12.

Luzyanin S.G. (2015). Kitaj. Global'noe upravlenie: vozmozhnosti i riski (gl. 2.3). Kollektivnaya monografiya / Global'noe upravlenie i riski, Moscow: IMEMO RAN. – ed.-in-chief V.G. Baranovskij, ed. V.I. Ivanova. (In Russian).

Luzyanin S.G. (2017). Sovremennye rossijsko-kitajskie otnosheniya, ed.-in-chief S.G. Luzyanina, ed. A.G. Larina, E.I. Safronovoj, I.V. Ushakova, E.V. Belilinoj, Moscow: DeLi plus. (In Russian).

Luzyanin S.G. (2018). Rossiya – Kitaj: formirovanie obnovlennogo mira; monografiya, ed.-in-chief academician B.C. Myasnikov, Introduction V.A. Nikonov, Moscow: Izdatel'stvo “Ves' Mir”. (In Russian).

Michael D. Swaine (2016). Chinese Views on Global Governance Since 2008–9: Not Much New, China Leadership Monitor, no. 49, February 8.

Paramonov V.V., Stokov A.V., Stolpovskij O.A. (2008). Rossiya i Kitaj v Central'noj Azii: politika, ekonomika, bezopasnost', Bishkek: Obshchestv. fond Aleksandra Knyazeva. (In Russian).

Russia-China Cross-Border Infrastructure Important for Bilateral Trade: Russian Far East Minister, *China Daily*, November 8, 2017.

Safronova E.I. (2016). Mnogopolyarnost' i rossijsko-kitajskoe sotrudnichestvo v kontekste SHOS, *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremennost'*, Issue XXI, Moscow: IFES RAS. (In Russian).

Для цитирования: Вакилова В.Р. Сотрудничество Китая и России в Центральной Азии: партнёры или конкуренты? // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 1. С. 37–46.

For citation: Vakilova V.R. (2019). Sotrudnichestvo Kitaya i Rossii v Central'noj Azii: partnery ili konkurenty? [China-Russia cooperation in Central Asia: partners or competitors?], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2019, 1: 37–46. (In Russian).

Влияние даосской философии на искусство китайской каллиграфии

А.И. Донченко

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы взаимосвязи даосской философии и традиционной китайской каллиграфии, а также история происхождения влияния даосской мысли на эстетику китайской каллиграфии. Среди всех философских учений Китая именно даосизм дал наиболее сильный толчок развитию искусства красивого письма, способствовал возникновению различных каллиграфических почерков и формированию теории каллиграфии. Главенствующие категории даосской философии нашли своё отражение в каллиграфических нормах и стали критерием оценки художественных произведений.

Ключевые слова: Китай, китайское искусство, китайская философия, каллиграфия, даосизм, даосская философия.

Автор: Донченко Анна Ильинична, переводчик Центра научной информации и документации, Институт Дальнего Востока РАН. ORCID: 0000-0002-9044-3707; E-mail: andonchenko@gmail.ru

The influence of Taoist philosophy on the art of Chinese calligraphy

A.I. Donchenko

Abstract. The article explores the relationship between Taoist philosophy and traditional Chinese calligraphy. It also talks about origins of the Taoist view on Chinese calligraphy. Taoism stands out among all Chinese teachings as it gave the strongest impulse to the blossoming of the art of beautiful writing, contributed to the development of various calligraphy styles and creation of calligraphy. The main principals of Taoist philosophy are reflected in calligraphy standards and works of art, which are evaluated based on those criteria.

Keywords: China, Chinese art, Chinese philosophy, calligraphy, Taoism, Taoist philosophy.

Author: Donchenko Anna I., translator of the Center for Scientific Information and Records, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-9044-3707; E-mail: andonchenko@gmail.ru

Традиционная китайская культура базируется на трёх учениях: конфуцианстве, буддизме и даосизме, из них ведущую роль играет конфуцианство. В ортодоксальном конфуцианстве его основатели, Конфуций и Мэн-цзы, рассматривали «гуманность» (*жэнь*) как высшую духовную потребность и исследовали отношения между человеком и обществом. В период правления династии Тан, после проведенного Шестым патриархом чань-буддизма

Хуэй-нэном реформирования, полностью изменилась практика буддизма. В основу философии буддизма легло учение о сердце и природе человека, основная идея гласила, что всё разумное есть порождение Будды и главный акцент – на достижении прозрения. Хотя даосизм как философия неразрывно связан с даосизмом как религией, даосская философия в гораздо большей степени обращает внимание на объяснение идей. Основоположники даосизма Лао-цзы и Чжуан-цзы отнесли Дао (Путь) к высшей истине. Они рассматривали взаимосвязь человека и природы, а также выдвинули идею перехода в другой мир.

Эстетика даосизма стремится к «естественности» (*цзыжань*) и «правдивости» (*пучжо*) и отличается от конфуцианской эстетики, основанной на конфуцианских нормах морали – этикете и воспитании. Особенностью даосской науки о красоте является стремление к действию в состоянии «недеяния» (*увэй*) [Пути обретения бессмертия, 2007, с. 16–17]. Даосизм открыл более широкое пространство для свободного мышления, тем самым способствовал развитию искусства. В природе заключена высшая красота, Дао необходимо воспринимать как изначальное стремление к возвращению к природе и естественности, поэтому красота природы и есть суть даосской эстетики.

История происхождения влияния даосской мысли на эстетику каллиграфии

Влияние идей даосизма на эстетику каллиграфии имеет достаточно глубокую историю происхождения. В период Чуньцю и Сражающихся царств императорская власть пришла в упадок, князья боролись за власть, первоначальная аристократическая система была разрушена, и общество кардинально изменилось. Интеллигенция того времени имела возможность распространять свои идеи, открыто выражать личное мнение и продвигать собственные политические воззрения, тем самым создавая почву для дискуссий и свободного соперничества философских мыслей. В этот период важнейшим философским течением становятся идеи Лао-цзы и Чжуан-цзы: стремление к естественности и склонность к атеизму, противопоставление «спокойствия и недеяния» (*цинцзин*, *увэй*) «борьбе» (*доучжэн*), а также стремление жить в мире и согласии с природой, отраженное в учении о природе Дао. Даосизм, в силу своего достаточно нейтрального характера, без излишней активности или пассивности, хорошо вписался в жизнь людей. В ранний период династии Хань император Хань Вэнь-ди и император Цзин-ди, а также императоры Тай-цзун и Тан Сюань-цзун, династия Тан, использовали даосскую философию для управления страной, изменив жёсткое правление предыдущих династий и приняв стратегию восстановления страны, что привело государство к небывалому подъёму. В истории данный период называется правлением Вэнь-ди и Цзин-ди, правлением Чжэнгуань и процветанием Кайюаня – это была успешная практика даосского управления страной. При императоре Тай-цзуне «Дао дэ цзин» был переведён на санскрит, а также распространился на Запад, тем самым расширив влияние даосской философии в мире [Духовная культура Китая. Философия, 2006, с. 232–234]. Даосизм стал общим духовным богатством для всего человечества.

Даосская мысль, ядром которой является философия Лао-цзы и Чжуан-цзы, это душа китайской философии и культуры. Лао-цзы называют отцом китайской философии, его имя связано с большими заслугами в развитии философии. Даосизм расширил пространство и

оказал глубокое влияние на развитие не только эстетического восприятия искусства китайской каллиграфии, но и всей китайской эстетики.

В истории немало знаменитых даосских ученых, которые также являются известными каллиграфами, например, Чжун Яо, Ван Сичжи, Су Ши, Фу Шань превосходно разбирались в даосском учении и следовали ему, а также владели высшим мастерством в искусстве каллиграфии. Многие их взгляды отражают влияние даосского мышления. Ван Сичжи говорил, что «дух каллиграфии непременно достигнет Дао». Юй Шинань писал о каллиграфии так: «Работать кистью медленно или быстро, проводить линии полые и сплошные, как будто рука большого мастера непрерывно наносит удары кистью». Выражение «наносить удары кистью» (*луньбянь чжолунь*) напрямую происходит из «Небесного пути» (*Тянь дао*) Чжуан-цзы. Фу Шань сознательно наследует идеологию и культуру даосской школы, его каллиграфический почерк, свободный и энергичный, демонстрирует неразрывную связь с идеями Чжуан-цзы.

Непревзойденный мастер Ван Сичжи обладал глубокими знаниями в даосской философии и является самым известным каллиграфом Китая. Он родился в знатной семье в период династии Цзинь. Его дядя Ван Дао был главным помощником императора династии Восточная Цзинь, а другой дядя Ван Дунь командовал армией Восточной династии Цзинь. Все члены семьи Ван Сичжи исповедовали даосизм. Он вырос в обстановке единства каллиграфии и даосизма, что способствовало формированию свободного и незаурядного характера. Великий мастер не стремился к карьере чиновника и отказался от должности ответственного за каллиграфию, посвятив себя творчеству. Соединив даосскую культуру и искусство каллиграфии, он практически достиг предела наивысшей красоты. Написанный Ван Сичжи свиток Предисловие к «Стихотворениям, сочиненным в Павильоне орхидей» (*Ланьтин ши*) известен как лучший образец каллиграфии, написанный почерком *синьшу*, в Китае его называют верхом совершенства. В этом произведении искусства соединилась даосская наполненность и элегантность с естественной непредубежденностью автора. Данный свиток считается эталоном и эстетической мерой, которой измеряют красоту или уродство написанных позднее каллиграфических работ.

Говоря о влиянии даосизма на китайскую каллиграфию, нельзя не упомянуть о переписывании священных даосских текстов. В процессе копирования канонических текстов каллиграфия и даосская философия тесно переплетались и влияли друг на друга. Первоначально священные даосские писания надлежало точно копировать, переписчик текстов должен был хорошо владеть кистью. Однако постепенно под влиянием известных ученых и мастеров каллиграфии требования к переписчикам были ослаблены, необходимо было лишь обладать хорошей каллиграфией, чтобы получить право писать тексты. Основные критерии для желающих переписывать священные тексты – быть сильным в каллиграфии и являться «ученым мужем». В процессе копирования мастера не только улучшали свои навыки каллиграфии, но также оказывали влияние на развитие даосской мысли, тем самым оказывая влияние на эволюцию теории каллиграфии и создание каллиграфических произведений.

Концепция «Дао» оказала влияние на основные цели искусства каллиграфии

Лао-цзы говорил, что люди опираются о землю, земля подчиняется небу, небо следует закону Дао, Дао стремится к естественности. Учение о Дао является высшим достижением философской мысли того времени. Понятие «естественность» – это суть и основная цель даосизма, как высшая категория даосской мысли занимает главенствующее положение. В основе философии Лао-цзы лежат категории «естественность» и «недеяние» [Лукьянов, 2015, с. 113–116]. Он вывел высшую абстракцию Дао как источник происхождения мира, и в то же время сделал максимальное обобщение закона движения Дао. Поклонение природе является ядром даосской философии, и это неизбежно распространяется на эстетическое восприятие через стремление к естественной красоте.

Теория и практика каллиграфии, уникальной формы китайского искусства, находятся под сильным влиянием даосской концепции «естественности». В «естественности» заключается ценность произведения, это традиционный эстетический идеал китайской каллиграфии. Основная цель искусства каллиграфии – следовать философии Дао. Самым высоким стандартом эстетики каллиграфии является свободное естественное письмо.

Известный каллиграф династии Хань Цай Юн в своем трактате о каллиграфии «Девять приёмов каллиграфии» писал, что каллиграфия зарождается в естественности, естественность является основой, отсюда рождаются Инь и Ян. Эти слова подтверждают влияние даосской мысли на искусство каллиграфии. Ван Сичжи осознавал важность соблюдения принципа «естественности» в каллиграфии, поэтому всю жизнь стремился к свободному и изящному почерку. Он смог достичь непревзойденного мастерства, его произведения вошли в историю как образец китайской каллиграфии.

Сунь Готин в «Систематизации каллиграфии» (*Шу ну*) пишет, что можно увидеть различия между вертикальными чертами «висящая игла» и «капля росы», они как внезапный раскат грома и обвал камней, как взлетающая птица и прыгающий зверь, как танец феникса и испуг змеи, как крутой берег и горный пик; тяжелый, как низко висящие тучи, и легкий, как крылья цикады. Движение кисти подобно течению ручья, остановка как спокойствие горы [Духовная культура Китая. Искусство, 2010, 129 с.]. Вэй Фужэнь в произведении «Боевое построение кисти» (*Би чжэнь ту*) говорит, что горизонтальная черта подобна очень далёкой гряде облаков, точка похожа на падающую горную вершину [Белозёрова, 2007, с. 97]. Черта «откидная влево» подобна вспаханной рогом носорога или слоновьим бивнем земле, приём «поворот» как выстрел тяжелого арбалета, вертикальная черта похожа на засохшую лозу, черта «откидная вправо» похожа на удар волны и раскат грома, черта «горизонтальная ломанная с крюком» как напряженные мышцы в суставах [Соколов-Ремизов, 1985, с. 204–209]. Цай Юн в «Рассуждении о кисти» (*Би лунь*) указывает на то, что иероглиф должен иметь различные стили написания, некоторые из них похожи на сидящего с выпрямленной спиной или идущего человека, могут напоминать полет или танец, выражать грусть или радость. Другие похожи на червей, поедающих листья дерева, или на мечи и копья, на сильные луки и жесткие стрелы, на воду и огонь, на облака и туман, подобны солнцу и луне. Другими словами, для того чтобы писать гармоничную и красивую каллиграфию нужно черпать вдохновение в природе, передавать красоту природных явлений и объектов, которые являются образцом для подражания.

Даосская эстетика способствует развитию каллиграфии

Чжуан-цзы развил категории «отрицание» (*y*) и «недеяние» (*ywei*) до «совершенный человек» (*чжэнь жэнь*) и «свободный» (*сяояо*). В своем трактате «Свободное скитание» он говорит об абсолютной свободе духа, которая не имеет границ. Истинная свобода, к которой стремится философ это «не ждать и не хотеть», то есть это отсутствие каких-либо ограничений и обязательств. Благодаря правильному пути небес и земли, а также естественному ходу событий, держа под контролем изменения «шести Ци» (*любовь и ненависть, радость и гнев, печаль и веселье*), можно путешествовать по бесконечным пределам. Чжуан-цзы называет совершенного человека идеальной личностью, которая свободно путешествует и не испытывает усталости.

Следовать по Пути «естественности» – это стремиться к собственному освобождению. Даосское учение придаёт большое значение освобождению человеческой природы, отстаивает дух свободы и предоставляет пространство для свободного развития и инноваций. Это теоретическая основа для появления новых форм развития искусства каллиграфии.

В поисках духовной свободы в период Вэй-Цзинь образовалась новая даосская школа, также известная как учение о сокровенном (*неодаосизм*). В этот же период появился каллиграфический почерк, который назвали Вэй-Цзинь «Шан Юнь» (возвышенный и изящный), в котором полностью отразился характер человеческой природы и рациональность человеческой природы [Пути обретения бессмертия, 2007, с. 20–21]. Принцип «рациональность и разумность – это естественность» был заменен на философскую концепцию «естественность – это и есть разумность», что расширило и обогатило внутреннее содержание понятия «естественность». В то же время произошло изменение общественной идеологии, «Человек» стал более отважным, чем «Небо». Каллиграфы выступали против несправедливости в обществе и придавали большое значение духовной свободе. Они требовали «естественной» жизни и пытались реализовать её, не подчиняясь ритуальному закону и стремясь к освобождению человека. Такое пробуждение человека прошло через все области идеологии и неизбежно привело к появлению новых путей развития в искусстве каллиграфии. С помощью даосских философов авторы выбирали творческие сценарии, которые позволяли полностью выразить их эмоции. Мастера каллиграфии создавали новые формы, с помощью которых могли более полно выразить различные эмоции, такие как радость, грусть, хорошее настроение и душевное равновесие. Великие прорывы деятелей искусства династий Вэй и Цзинь проявились в создании подлинных шедевров каллиграфии, основанных на достижениях предшественников, но имеющих инновационное воплощение. В этот период сформировался первый художественный пик в истории китайской каллиграфии.

Анти-традиционное направление даосской мысли периода Вэй-Цзинь способствовало осуществлению идеи разделить Пятикнижие и упразднить части «Фэн» и «Я». Такого рода нововведения подтолкнули к значительным изменениям и стандартизации трёх видов почерков *чжэньшу*, *синшу* и *цаошу*. В период Вэй-Цзинь неоднократно изменялись начертания иероглифов, появилось большое разнообразие стилей, которое нельзя сравнить ни с каким другим периодом. Ван Сичжи внёс радикальные изменения в *кайшу* и *синшу*, чтобы создать свой уникальный стиль, ставший эталоном каллиграфии. Почерки *кайшу*, *синшу*, *цаошу* приняли вид практически

соответствующий нынешнему. Духовная свобода, состояние отрешенности и свободное творческое развитие способствовали созданию прекрасных произведений каллиграфического искусства мастерами каллиграфии династии Цзинь.

В начале династии Тан императоры Тай-цзун и Тан Сюань-цзун использовали для управления государством даосскую философию. Даосизм был широко распространен в этот период. Эстетика каллиграфии стремилась к естественности, находила свое отражение также в литературе. В одном из стихотворений Ли Бая есть строки: «над чистой водой распускается гибискус, превращаясь естественным образом в изящное украшение». Эти слова отражают эстетику династии Тан, попавшую под сильное влияние даосизма. Искусство каллиграфии этого периода достигло еще одного исторического пика после династий Вэй-Цзинь. Почерк *цаошу* династии Тан стал более безудержным, свободным, диким и неприхотливым, а даосский свободный дух позволил танскому *цаошу* стать образцом этого почерка в истории китайской каллиграфии.

Учёный-даос и каллиграф династий Мин и Цин Фу Шань обладал исключительной индивидуальностью и сложным характером. Это отражалось в его произведениях, где можно увидеть, что его почерк *цаошу* и манера написания постоянно менялись. Фу Шань писал очень энергично и резко, движения кисти были свободны и похожи на полёт дракона, движения змеи и парящего ястреба. Его каллиграфия, как правило, более эмоциональна, чем сбалансирована, иногда эмоции мастера выходили за рамки правил, демонстрируя свободу и новаторский дух. Каллиграфия Фу Шаня является концентрированным выражением его даосского духа.

Даосская эстетика доминирует в искусстве каллиграфии

Даосская эстетика – это натуральная природная красота. «Учение о природе Дао» является стандартом и общим принципом эстетики даосизма. В каллиграфии оценочные суждения строятся на основе природной гармонии и упорядоченности. Неразрывность вещей и явлений с окружающим миром соответствует концепции Дао, поэтому такие вещи и явления прекрасны.

На основе эстетики принципа «естественности» даосская мысль также выводит важные эстетические концепции и категории, такие как подлинное, простое, легкое и грубое, – все это проявления характера «Дао», это истинная природа вещей и их естественное состояние без украшений, которое сформировало эстетическое стремление к «правдивому» (*пу чжо*) стилю каллиграфии. Каллиграф Фу Шань считал, что пусть лучше каллиграфия будет грубой и непосредственной, чем искусно выписанной, лучше уродливой, чем обольстительной, лучше сбивчивой, чем слабой. Искусство каллиграфии – это возвращение к своей первоначальной природе, к естественности. Даосская ценностная ориентация на видение сути и сохранение простоты оказывает далеко идущее влияние на каллиграфию в последующих поколениях. Красота подлинной простоты и естественности противостоит притворству и внешнему лоску. Это является главным общеизвестным принципом для каллиграфов. Высочайшая художественная концепция, которой придерживались мастера каллиграфии в прошлом, заключается в том, что истинный ум отличается скромностью. С этой точки зрения многие современные работы, которые можно увидеть на сегодняшних выставках каллиграфии, слишком

искусственные, структурированные и декоративные. Новые эстетические нормы, противоречащие красоте природы, необходимо пересмотреть и устранить.

«Небесный закон и совершенный человек» – это еще один важный эстетический аспект, сформулированный Чжуан-цзы. Основная мысль заключается в том, что только искренность может взволновать других людей, искренность способна растрогать даже камень. Красота каллиграфии заключается в написании истинной природы и раскрытии истинных эмоций. Свиток, написанный Янь Чжэньцином, «Благодарность племяннику» (*Чжай-чжи вэньгао*) считается вторым по значимости памятником каллиграфии в Китае, написанным почерком *синшу*. Его уникальность заключается в том, что каждая написанная точка и каждый штрих отражают подлинные чувства автора. В этом свитке каллиграф с яростным напором обвиняет бунтовщиков в насилии и искренне выражает свою любовь и нежность к племяннику. Этот свиток стал шедевром каллиграфического искусства мирового уровня.

Даосская идея о том, что великая истина предельно проста, полностью совпадает с сутью искусства каллиграфии, где простота считается наивысшей формой художественного отображения. Лаконичность написания точек и черт в каллиграфии не имеет себе равных среди других видов изобразительного искусства. На протяжении всего процесса развития каллиграфии происходил процесс изменения внешней формы иероглифа от сложной и громоздкой к простой. Переход от почерка *чжуаньшу* к использованию почерка *лишу* стал настоящей революцией в истории каллиграфии. *Синшу* и *цаошу* в большей степени являются классическими примерами превращения многочисленного в краткое.

Исследование эстетических идей даосской мысли показывает их особое влияние на искусство китайской каллиграфии и формирование теории каллиграфии. Пара даосских противоположностей «есть» и «нет» в каллиграфии характеризуются как «пустое» и «полное», то есть отношение белого и черного. Понимание человеком черного основано на существовании белого, наличие белого порождает черное. При написании каллиграфии используется большое количество противоположностей, таких как полое и наполненное, стремительное и застойное, жидкое и густое, подвижное и находящееся в покое, симпатичное и отталкивающее и т. д. Соотношение и связи между этими парами определяют выражение мыслей и чувств каллиграфа, что является одной из главных причин, по которой людям нравится искусство каллиграфии. Рассуждения Чжуан-цзы о даосской концепции и пределах также является теоретической основой эстетики искусства каллиграфии. От состояния «самостоятельного я» до понимания принципа «небо, земля и я существуют вместе» даосская концепция о единстве всего сущего подчеркивает специфику даосской эстетики. Притча Чжуан-цзы «Мастер разделяет коровью тушу» (*Пао дин цзе ню*) раскрывает даосское мастерство и Дао, которое является наивысшим уровнем создания каллиграфического произведения. Это и есть принцип написания каллиграфии в соответствии с Дао, который оказал глубокое влияние на теорию каллиграфии и создание каллиграфии последующими поколениями. Художественной концепцией каллиграфии является своего рода абстрактное чувство, воплощение предложенной Лао-цзы идеи о том, что великий закон не имеет формы.

В даосизме красота принимает различные формы, это естественность, истина, добро, уважение, благо, бережливость, простота, сострадание и природа. Искусство каллиграфии в своём развитии охватывает это всё через даосскую эстетику. Эстетика даосизма преобладала в формировании каллиграфии как искусства.

Заключение

На протяжении более двух тысяч лет даосизм как важнейшее философское направление, особенно в качестве государственной концепции управления и правящей религиозной мысли в период династии Хань и начала династии Тан, неизбежно влиял на развитие китайского общества, развитие древнекитайской философии и традиционной китайской культуры, а также оказал огромное влияние на развитие искусства китайской каллиграфии. Основной идеей даосской философии является стремление к естественности. В искусстве каллиграфии естественность также является самым высоким стандартом. И даосизм, и каллиграфия стремятся к одной и той же конечной цели. Понимание внутренних законов искусства китайской каллиграфии в основном основано на даосском мышлении. Это очень важно для понимания, изучения и овладения искусством китайской каллиграфии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Белозёрова В.Г. Искусство китайской каллиграфии. М.: РГГУ, 2007. 97 с.

Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Вост. лит., 2006. Т. 1. Философия / ред. М.Л. Титаренко, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов. 2006. С. 232–234.

Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. + доп. том. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Вост. лит., 2006 [Т. 6 (дополнительный)]. Искусство / ред. М.Л. Титаренко и др. 2010. 129 с.

Лукьянов А.Е. Древнекитайская философия. Курс лекций. Часть II. Философия даосизма. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 113–116.

Пути обретения бессмертия: Даосизм в исследованиях и переводах Е.А. Торчинова. СПб.: Азбука-классика; Петербургское Востоковедение, 2007. С. 16–21.

Соколов-Ремизов С.Н. Литература-каллиграфия-живопись. К проблеме синтеза искусств в художественной культуре Дальнего Востока. М.: Наука, 1985. С. 204–209.

Чжунго шуфа ишу. Чжунго вэньхуа юй вэньмин : [Искусство китайской каллиграфии. Из серии: китайская культура и цивилизация] / ред. Оуян Чжун-ши. Пекин: чжунго вайвэнь чубаньше, 2007.

The Chinese Art of Writing / by Jean Francois Billeter. Skira/Rizzoli International Publications Inc. 1990.

REFERENCES

Belozerova V.G. (2007). *Iskusstvo kitaiskoi kalligrafii* [The art of Chinese calligraphy], Moscow: Russian state humanitarian University: 97. (In Russian).

Duhovnaya kultura kitaya: entsiklopediya (2006). *Filosofiya* [Spiritual culture of China: encyclopedia. Philosophy], Moscow: Eastern literature: 232–234. (In Russian).

Duhovnaya kultura kitaya: entsiklopediya (2010). *Iskusstvo* [Spiritual culture of China: encyclopedia. Art], Moscow: Eastern literature: 129. (In Russian).

Lukyanov A.E. (2015). *Drevnekitaiskaya filosofiya. Kurs leksii “Filosofiya daosizma”* [Ancient Chinese philosophy. Course of lectures. Philosophy of Taoism], Moscow: IFES RAS: 113–116. (In Russian).

Puti obreteniya bessmertiya. (2007). Daosizm v issledovaniyah I perevodah E.A. Torchinova [Ways of gaining immortality: Taoism in research and translations of E.A. Torchinov], Saint-Petersburg: ABC-classics; St. Petersburg Oriental Studies: 16–21. (In Russian).

Sokolov-Remizov S.N. (1985). Literatura-kalligrafiya-zhivopis. K probleme sinteza iskusstv v hudozhestvennoi culture Dalnego Vostoka [Literature-calligraphy – painting. On the problem of synthesis of arts in the artistic culture of the Far East], Moscow: Science: 204–209. (In Russian).

The Chinese Art of Writing (1990), by Jean Francois Billeter, Skira/Rizzoli International Publications Inc.

Zhonguo shufa yishu (2007). Zhonguo wenhua yu wenming [The art of Chinese calligraphy], Beijing. (In Chinese).

Для цитирования: Донченко А.И. Влияние даосской философии на искусство китайской каллиграфии // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 1. С. 47–55.

For citation: Donchenko A.I. (2019). Vliyanie daosskoj filosofii na iskusstvo kitajskoj kalligrafii [Influence of Taoist philosophy on the art of Chinese calligraphy], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2019, 1: 47–55. (In Russian).

Основные этапы исследования частей речи китайского языка в западном языкознании

А.В. Малышева

Аннотация. В статье представлен краткий обзор развития исследования грамматики китайского языка учеными Европы и США с момента появления первых описаний в XVII в. до публикации исследований в настоящее время. Целью данной статьи является описание основных этапов изучения частей речи китайского языка в работах лингвистов за время существования западной китаистики. Публикация китайским лингвистом Ма Цзяньчжунем «Грамматического компендиума господина Ма» рассматривается как точка, разделяющая историю изучения европейскими и американскими учеными грамматики китайского языка в целом и частей речи в частности на два периода: «самостоятельного» описания и совместного/одновременного с носителями языка исследования.

Ключевые слова: китайский язык, части речи, классификация, западное языкознание, этапы изучения грамматики.

Автор: Малышева Анастасия Владимировна, адъюнкт, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации. E-mail: anastasia_malysheva@hotmail.com

The main stages of the study of parts of the speech of the Chinese language in Western linguistics

A.V. Malysheva

Abstract. The article provides a brief overview of the development of the Chinese grammar study by scholars in Europe and the United States from the moment the first descriptions appeared in the 17th century to the publication of studies at the present time. The purpose of this article is to describe the main stages in the study of Chinese parts of speech (word classes) in the works of linguists for the time of the existence of Western Sinology. The publication of the “Basic principles for writing clearly and coherently by Mister Ma” (“Ma shi wen tong”) by Chinese linguist Ma Jianzhong is regarded as a point, which divided European and American history of Chinese grammar study in general and parts of speech in particular into two periods: the period of “independent” description and the period of research in-parallel or together with native speakers.

Keywords: Chinese language, parts of speech (word classes), classification, western linguistics, stages of the grammatical study.

Author: Malysheva Anastasia V., postgraduate of the Department of Far Eastern Languages, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation. E-mail: anastasia_malysheva@hotmail.com

Введение

Западные лингвисты, являясь основоположниками исследований грамматики китайского языка, занимаются изучением данного направления более 400 лет. Несмотря на столь долгую историю до настоящего времени в зарубежном языкознании вопрос выделения частей речи китайского языка остается нерешенным. В европейской и американской китаистике нет единого подхода в выборе принципов классификации частей речи китайского языка, их количества, а также характеристик и функций каждой из категорий и др. На современном этапе актуальность решения проблемы разграничения частей речи обусловлена задачами корпусной лингвистики, компьютерного анализа текста и машинного перевода. На одном из первых этапов автоматической обработки текста происходит частеречная разметка, или автоматическая морфологическая разметка (*в английской терминологии*: PoS tagging, part-of-speech tagging), задачей которой является определение в тексте (корпусе) грамматических характеристик слов и их частеречной принадлежности с присвоением им соответствующих тегов [An introduction to part-of-speech tagging...].

Потребности современной науки в определении четких критериев выделения частей речи, с одной стороны, стимулируют поиск новых решений, с другой стороны, ориентируют на обобщение и анализ накопленного западной лингвистикой опыта изучения грамматики китайского языка. В этой связи выбранная тема исследования является актуальной.

Вместе с тем научная новизна данной статьи обусловлена ограниченным на настоящий момент количеством работ отечественной лингвистики, описывающих историю формирования и развития подходов к выделению частей речи китайского языка в западной школе, особенно современных грамматик – публикаций конца XX – начала XXI вв.

Целью данной статьи является описание основных этапов изучения частей речи китайского языка в работах западных ученых XVII–XXI вв.

Первые работы, посвященные грамматике китайского языка, были написаны на испанском языке европейскими миссионерами, которые в конце XVII в. продолжили своё путешествие по Юго-Восточной Азии вглубь материка: из Филиппин (Манилы и Себу) на юг и юго-восток Китая (в современные провинции Гуандун (Кантон) и Фуцзянь). Около 300 лет западные учёные, в том числе и российские, занимались описанием частей речи и грамматики китайского языка в целом фактически «автономно», в то время как для китайской лингвистической традиции приоритетным предметом изучения являлись фонетика, лексика, иероглифика и др.

Лишь в 1898 г. 马建忠 *Ма Цзяньчжун* издаёт «*马氏文通* / «Грамматический компендиум господина Ма» [Ma Jianzhong. *Mashi wentong*], в котором впервые в истории китайского языкознания описывает грамматический строй в рамках традиции западной школы. Рассматривая данную публикацию как «официальное» начало изучения грамматики китайского языка его носителями, предполагаем, что исследования западной школы можно разделить на две группы:

1. первая группа работ периода «самостоятельного изучения» (без оценки и участия в научных дискуссиях носителей языка, то есть до 1898 г.);

2. вторая группа работ периода одновременного и/или совместного с китайскими лингвистами изучения, сопоставления и интеграции идей ученых Китая (с начала XX в. по настоящее время).

Европейские грамматики китайского языка XVII–XIX вв.

Работы первой группы (периода «самостоятельного изучения») можно разделить на три подгруппы.

Первая подгруппа работ является испаноязычной, датируемой XVII в. Самым ранним из сохранившихся до настоящего момента исследованием является *Arte de la lengua Chiō Chiu* / *Грамматика языка Чио Чиу* / *Искусство языка Чио Чиу*, автор – Melchior de Mançano / *Мельхиор де Мансано*. Опубликованная в 1620/1621 гг. работа описывает грамматику диалекта Чио Чиу (совр. 漳州 Чжанчжоу, пров. Фуцзянь, КНР), относящегося к группе минь (южнофуцзяньских диалектов), и содержит некоторую информацию о частях речи, например, таких знаменательных, как имена существительные, прилагательные, особенностях их употребления, падежах, а также о функционировании отдельных служебных частей речи: союзов, частиц и др. [Henning Klöter. *The Arte de la Lengua*].

Теоретические основы данной грамматики китайского языка и последующие работы XVII в. формируют распространенные в испанской лингвистике того времени подходы к описанию грамматики, изложенные в *Latin grammar of Elio Antonio de Nebrija* / *Грамматике латинского языка Антонио де Небриха*, *Introductiones Latinae* / *О латыни* (1481 г.) и самой ранней из сохранившихся грамматик романских языков – *the Grammatica de la Lengua Castellana* / *Грамматика кастильского языка* (1492 г.). Фактически в качестве «матрицы» при описании частей речи в «Грамматике языка Чио Чиу», как и в большинстве последующих, используется система грамматики латинского языка, распространенная в Европе вплоть до периода Нового времени (до XVI в.) [The History of Chinese Grammars...].

Вслед за Мельхиором де Мансано в 1641 г. Juan Bautista Morales / *Хуан Батиста Моралес* издаёт работу под названием *Arte de la lengua mandarina* / *Грамматика мандаринского языка* / *Искусство мандаринского языка*, которая также посвящена характеристике грамматики диалектов группы минь.

В связи с тем, что испанские миссионеры пытались адаптировать греко-латинскую модель в описании грамматики китайского языка, в их работах содержится характеристика частей речи китайского языка, например, описание времен и форм глагола, числа и рода существительных и др.

Классификация частей речи в опубликованной в 1653 г. работе (впервые напечатанной в 1696 г.) итальянского миссионера-иезуита Martino Martini / *Мартино Мартини Grammatica Sinica* / *Грамматика китайского языка* включает в себя семь частей речи: существительное, местоимение, предлог, глагол, прилагательное, междометие и союз [Paternicò, Luisa M., pp. 339–354]. Бóльшее количество частей речи и их более подробное описание содержится в изданной в 1703 г. в Кантоне и являющейся одной из знаменательных в истории изучения китайского языка *Arte de la lengua mandarina* / *Грамматике мандаринского языка* (опубликованной впервые в 1682 г.) Francisco Varo / *Франциско Варо*. В её основу положены результаты написанной на Филиппинах ориентировочно в 1640/1641 гг. Francisco Diaz / *Франциско Диазом Gramática española-china* / *Сопоставительной грамматики испанского*

и китайского языков, материалом для «Грамматики мандаринского языка» послужили собранные и систематизированные Франциско Варо за время проживания в городах 福安 Фуань и в 福州 Фучжоу, примеры из нанкинского диалекта и других южных вариантов мандаринского диалекта. Авторский текст с комментариями представлен на испанском языке, примеры – на китайском языке, вместо иероглифов использована запись на латинице. Франциско Варо в своей работе базируется на теории «Грамматики латинского языка Антонио де Небриха», на что есть ссылка в предисловии работы. Объектом изучения является только 俗话 разговорный (общенародный) язык. В исследовании общим объёмом 64 страницы в соответствии с правилами европейских грамматик после описания фонетической системы в 1–2 главах автор характеризует имена существительные, прилагательные, местоимения, глаголы (главы 3–6, 8), междометия, союзы, отрицательные, вопросительные и др. частицы (глава 7), предлоги и наречия (глава 10), пассивные конструкции (глава 9), в трёх последних главах представлен анализ предложений и перечислены особенности синтаксиса китайского языка [Jonathan Daniel. *Arte de la lengua...*].

На опубликованные в более позднее время грамматики оказали влияние распространенные в Европе идеи универсальной грамматики *Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal / Всеобщей и рациональной грамматики Пор-Рояля / Граммáтики Пор-Роя́ля*, изданной аббатами монастыря Пор-Рояль Антуаном Арно и Клодом Лансло в 1660 г.

Ко второй подгруппе работ можно отнести исследования, опубликованные в XVIII–XIX вв. на латинском языке, например, напечатанная англичанами в Малакке в 1831 г. работа Joseph Henri Marie de Prémare/ *Иосифа Генриха Мари дэ Премара Notitiae Linguae Sinicae / Понимание языков Китая* (впервые опубликована в 1728 г.). В разделе «Грамматика» выделены «существительные», «местоимения», «глаголы» и «другие части речи», представлено краткое описание синтаксиса и употребление отдельных 字 иероглифов, под которыми Премар подразумевает грамматические единицы [Мисхабова Д.Р., Рукописный перевод...].

Работа снабжена большим количеством записанных в иероглифах примеров из китайского письменного (языка вэньянь 文言) и разговорного языка. Как и в работе Варо, в исследовании Премара, руководствовавшегося грамматической моделью латинского языка, использована «матрица» и терминосистема латинской грамматики без учёта особенностей китайского языка.

Публикация в 1730 г. (по другим данным 1950 г.) типографией Санкт-Петербургской Академии Наук работы под названием *Museum sinicum* приглашенного в Россию для исследования восточных языков немецкого ученого Thomas (Theophilus) Siegfried Bayer / *Томаса (Феофила) Зигфрида Байера* положила начало истории китайской филологии в России. Работа написана на латинском языке (латынь использована и для записи примеров) и состоит из двух томов: *Grammatica Sinica* и *Lexicon Sinarum latine explicatum*, посвященных грамматике и лексике разговорного китайского языка соответственно, в ее основу положен перевод текста *Arte de la lengua Chiō Chiu* на латынь [The History of Chinese Grammars...].

Работа Etienne Fourmont / *Этьена Фурмона*, опубликованная в 1742 г. в Париже, *Linguae Sinarum Mandarinicae hieroglyphicae grammatica duplex Latine et cum characteribus Sinensium (中國官話) / Грамматика китайского языка (мандаринского языка) / Китайский разговорный язык высшего сословия* также содержит перевод с испанского языка на

латинский ранее изданной «Грамматики китайского языка» (1742 г.) Франциско Варо с примерами в иероглифике, а также авторский комментарий. Описывающая грамматику разговорного китайского языка работа состоит из двух частей: в первой содержатся отдельные «правила» китайского языка, склонения имен и спряжения глаголов, во второй – набор словосочетаний, представляющих собой речевые клише [Etienne Fourmont...].

Две работы *Clavis Sinica, or Elements of Chinese Grammar, with an Appendix containing the Ta-Hyoh of Confucius, with a Translation* / Элементы китайской грамматики английского миссионера Joshua Marshman / Джошуа Маршмана и работа Robert Morrison / Роберта Моррисона *A Grammar of the Chinese Language (通用言之法)* / Грамматика (общеупотребительного) китайского языка, опубликованные практически одновременно в Серампуре: в 1814 г. и в 1815 г., можно с большей степенью вероятности отнести к учебникам и практическим пособиям на латинском языке, нежели к теоретическим описаниям грамматики. В «Элементах китайской грамматики» содержится перевод высказываний Конфуция из 论语 «Луньюй» («Беседы и суждения»). Проживший долгое время в Кантоне и обладавший хорошими знаниями китайского языка английский миссионер Моррисон собирает список частотных фраз для использования в переводе с китайского на английский язык, в своём стремлении выразить на китайском языке все грамматические изменения, характерные для английского языка, он выбирает примеры из малоупотребительных выражений, что, в итоге, приводит к искажению и ошибкам описания грамматического строя китайского языка [The History of Chinese Grammars...].

Фактически в течение двух столетий европейские авторы, не стремившиеся к глубокому пониманию сущностных характеристик и особенностей китайского языка, преследуя прагматические цели коммуникации с местным населением, занимались подбором эквивалентов испанского, латинского и др. языков в китайском языке, встраивая его в «грамматическую матрицу» родного языка и греко-римской грамматической модели в целом. Именно поэтому выделенные ими категории частей речи в большей степени соответствуют требованиям передачи слов, относящихся к той или иной части речи в европейском языке, в основу их выделения положен не грамматический (морфологический), а семантический критерий, для подтверждения теоретических положений используются примеры несистемного характера.

В третью подгруппу работ входят грамматики китайского языка, изданные в XVIII–XIX вв. на разных европейских языках.

К этой группе относится первая в истории работа, в которой выполнено комплексное описание грамматики китайского языка – *The Elémens de la grammaire chinoise (汉文启蒙)* / Элементы грамматики китайского языка, автор Jean-Pierre Abel-Rémusat / Жан-Пьер Абель Ремюза, опубликованная на французском языке в 1822 г. в Париже, повторно – в 1857 г. Идеи исследований данного периода можно охарактеризовать как новаторские [Курдюмов В.А., Курс китайского языка...].

В данной работе описано два вида китайского языка: классический (древний, 文言 *вэньянь*) и разговорный (современный, 官话 *гуаньхуа*). В языках двух видов выделены: существительные, прилагательные, имена, числительные, местоимения, глаголы, наречия, предлоги и союзы, междометия, частицы и устойчивые словосочетания. В отличие от предшественников Абель Ремюза не предпринимает попыток перенести подход к категориям

европейских языков на китайский язык, указывает, что существительные в китайском языке не имеют рода и падежа, глаголы – спряжения и т.д. Предлогам и союзам, а также наречиям классического вэньяня отведено несколько абзацев в связи с тем, что большее внимание уделено разговорному языку (хотя в работе использованы примеры не из современной устной речи, а речи начала XVII в. – приведены цитаты из романа 《金瓶梅》 / «Цветы сливы в золотой вазе»). Грамматика Абея Ремюза получила высокую оценку как исследователей XIX в., так и современных учёных, долгое время являлась основой для изучения грамматики китайского языка [Abel Rémusat, *Eléments de...*].

По примеру европейских грамматик в 1829 г. в Макао на португальском языке была издана работа Гонзальво *Arte China constante de alpabeto e grammatica comprehendendo modelas las diferentes composiciones* (汉字文法) / *Грамматика китайского языка в алфавитном порядке с описанием различных грамматических моделей*. Данная работа, как и работа Премара, отличается большим количеством примеров.

Опубликованные на французском языке в 1856 г. в Париже *Grammaire mandarine ou principes généraux de la langue Chinoise parlée* / *Грамматика мандаринского языка, принципы организации китайской разговорной речи*, автор Antoine Bazin / Антуан Базин, и в 1864 г. в Шанхае *A Grammar of the Chinese Colloquial Language Commonly Called the Mandarin Dialect* / *Грамматика китайского разговорного языка, обычно называемого мандаринским диалектом*, автор Joseph Edkins / Джозеф Эдкинс, относятся к исследованиям нового этапа – этапа исследований, последовавших за публикацией грамматики Абея Ремюза. Указанные работы посвящены грамматике китайского разговорного языка. Антуан Базин анализирует «традиционные» восемь частей речи и включает объёмное описание использования каждой из категорий в предложении и её роли в синтаксисе в целом, автор также сопоставляет особенности употребления слова в письменной и разговорной речи. В работе Джозефа Эдкинса, по сравнению с исследованием Антуана Базина, содержится более подробное описание китайского языка с элементами анализа. Грамматика разделена на три части: фонетика, части речи и синтаксис, проиллюстрирована примерами употребления в разговорном китайском языке южного и северного вариантов, примерами из литературных произведений XVIII в., таких как роман 《红楼梦》 / «Сон в красном тереме», автор 曹雪芹 / Цао Сюэцинь). В работе для описания основных частей речи выделен специальный раздел – «Части речи», появляется новая категория – «счётные слова».

Stanislas Julien / Станислав Жюльен, один из лучших учеников Ремюза, выдающийся специалист в области изучения грамматики китайского языка второй половины XIX в., в 1869/1870 гг. в Париже опубликовал *Syntaxe nouvelle de la langue chinoise* / *Рассказы о синтаксисе китайского языка*. В данной работе представлены варианты передачи слова в разных ситуациях при переводе и учтены особенности китайского языка в объёме накопленных к тому времени знаний. Необходимо отметить, что автор ограничивается 72 страницами (из 412) для описания 古文 древнекитайского языка, представляя описание основных служебных слов, таких как 所, 以 и 者 [Stanislas Julien, *Syntaxe nouvelle...*].

Georg von der Gabelentz / Георг фон дер Габелентц в 1881 г. в Лейпциге на немецком языке опубликовал *Chinesische Grammatik mit Ausschluß des niederen Stiles und der heutigen Umgangssprache* / *Грамматику китайского языка без описания низкого стиля и современного разговорного языка*. В данной работе представлено более полное по сравнению

с исследованием Абеля Ремюза описание грамматики древнего китайского языка, данное исследование было признано лучшим среди работ второй половины XIX в., посвящённых изучению письменного китайского языка. В настоящее время данная работа по-прежнему является теоретической основой для исследований классического китайского языка [Курдюмов В.А., Курс китайского языка...]. В ней не только содержится перечисление основных частей речи, как и в более ранних работах, но и представлены их синтаксические функции (субъект, предикат и др.), принципы построения предложения, например, «инверсия», способы выражения модальности, придаточные предложения и др. Исследование разделено на три части, в первой из которых содержится общее описание, информация о фонетической и иероглифической системах китайского языка, вторая и третья части (549 стр.) посвящены его грамматике [Von Der Gabelentz Georg, Chinesische...].

Анализ опубликованных в XVII–XIX вв. работ показывает, что начатые в XVII в. на испанском языке исследования грамматики «пережили» этапы перевода на латинский язык и дальнейшего развития идей в XVIII в., к концу XIX в., претерпевая изменения в подходах, получили распространение в научных школах разных стран, в результате чего в Европе появились грамматики на нескольких языках, таких как английский, немецкий, французский и др.

Обобщение положений грамматик первой группы позволяет сделать вывод о том, что большинство работ европейских исследователей выделяет в китайском языке восемь частей речи по аналогии с грамматиками испанского и латинского языков, при этом также в отдельные работы включены главы о числительных, послелогах, счётных словах и др. Объектом изучения становится как разговорный, так и письменный язык (вэньянь и гуаньхуа): Премар и Абель Ремюз анализируют устный и письменный варианты китайского языка, в то время, как фон дер Габелентц и Жюльен в основном описывают классический китайский язык (вэньянь), Маршман – только вэньянь, Моррисон – разговорную речь. В целом исследования в большей степени посвящены анализу стилистических, нежели грамматических особенностей китайского языка. Среди грамматик, описывавших письменный и устный китайский язык, выделяются работы Премара, Гонзальва и Абель-Ремюза. Из первой группы работ близкими к подходам современной грамматики являются исследования Эдкинса и Базина, посвященные гуаньхуа. При этом в исследованиях не учитываются или практически не учитываются типологические особенности китайского языка и выделены имеющиеся в родных языках части речи путём сопоставления и подбора «аналогов» способов выражения грамматических изменений, свойственных флективным (индоевропейским) языкам.

Исследования частей речи китайского языка в работах западных лингвистов XIX–XXI вв.

Веховым событием, которое позволило изменить подход к проблеме, можно назвать выступление немецкого профессора Carl Arendt / Карла Арента на 12 конгрессе востоковедов 1899 г. в Риме на тему «*Есть ли грамматика в китайском языке. И если она есть, то стоит ли ее изучать?*». Обозначенный вопрос стал предметом обсуждений в научных кругах XX в. и до настоящего времени остается без окончательного решения:

европейскими учёными за более чем 100 лет на него были даны как положительные, так и отрицательные ответы.

Одним из исследователей китайского языка первой половины XX в., чьи работы можно отнести ко *второй группе* (после публикации «Грамматического компендиума» в 1898 г.), является французский китаевед и специалист по языкам и истории Индокитая Henri Paul Gaston Maspero / *Анри Поль Гастон Масперо*. Масперо, опираясь на классический подход к грамматике индоевропейских языков, в котором части речи выделяются на основании формоизменения и словообразования, приходит к выводу о невозможности выделения частей речи в китайском языке. Теорию Масперо, в основу которой положен синтаксис и в которой отрицается наличие морфологии в китайском языке, можно охарактеризовать как изменившую подход европейской лингвистики к китайскому языку и выявившую «самобытность» и специфику китайского языка [Шутова Е.И., Проблема частей речи...].

Идеи Масперо нашли отражения в трудах его современника – шведского лингвиста Klas Bernhard Johannes Karlgren / *Класа Бернхарда Йоханнеса Карлгрена*. Карлгрэн известен своими работами в области грамматики и фонетики китайского и древнекитайского языка, был первым учёным, который применил методы сравнительно-исторического языкознания к китайскому языку, впервые произвел реконструкцию фонетики древне- и среднекитайского языков. Необходимо отметить совместную работу Карлгрена с ученым Li Fang-Kuei 李方桂 / Ли Фангуем, который был первым китайцем, начавшим изучать лингвистику за рубежом (в 1924 г.), – так называемую *The Karlgren–Li reconstruction of Middle Chinese / Реконструкцию среднекитайского языка Карлгрена–Ли*, 1971 г.). Ли Фангуй – выпускник Чикагского университета, ученик Edward Sapir / *Эдуарда Сепира* и Leonard Bloomfield / *Леонарда Блумфилда*, исследователь 歷史語言研究所 / *НИИ исторической лингвистики Academia Sinica / Китайской Академии наук* (Тайвань, г. Тайбэй).

Карлгрэн в своих работах цитирует Масперо, например, подтверждая свою позицию в вопросе единства грамматики и лексики устного и письменного языков периода Чжоу, в таких работах, как *Philology and Ancient China / Филология и Древний Китай* и *On the Authenticity and Nature of the Tso Chuan / Подлинность и природа «Цзо Чжуань»* (1926–1928 гг.), а также в более поздних работах – *Excursions in Chinese grammar / Экскурсы в грамматику китайского языка* и *New excursions in Chinese grammar / Новые экскурсы в грамматику китайского языка* (1951 г.).

В более позднее время Карлгрэн возвращается к проблемам частей речи в китайском языке в одноименной работе *The parts of speech and the Chinese language / Части речи в китайском языке* (1961 г.), использует лекции Масперо 1933 г., в которых учёный показал на примере глаголов и существительных невозможность их разграничения. По мнению Карлгрена, основанием для выделения признаков частеречной принадлежности являются особенности употребления единиц в словосочетании или предложении, например, при использовании отрицаний с глаголами, существительными и прилагательными в древнекитайском языке, таких как 不、弗、非, верификация принадлежности слова к категории существительного может быть осуществлена посредством присоединения морфемы 儿 / 子 и др. Учёный также рассматривает фонетический критерий как один из признаков частеречной принадлежности в древнекитайском языке. Западные учёные в этом

вопросе получают поддержку лингвистов-носителей языка, например, 高名凱 / Гао Минкай, который считал, что в китайском языке части речи отсутствуют [Гао Минкай, Цзай лунь...].

Противником теории Масперо является ещё один немецкий исследователь китайского языка Walter Simon / Уолтер Саймон. Научная дискуссия Саймона и Масперо стала темой изучения для китайских лингвистов в 1950-е гг. В своей статье, опубликованной в 1937 г., под названием *Has the Chinese language parts of speech?* / «Есть ли части речи в китайском языке?», Саймон на поставленный вопрос отвечает положительно и выделяет девять частей речи: существительные, прилагательные, числительные, местоимения, глаголы, предлоги или послелог, наречия, фразовые частицы, союзы. Учёный, анализируя работы предшественников: Георга фон дер Габелентца, Жан-Пьер Абель Ремюза и др., называет признаки частеречной принадлежности, такие как порядок слов в предложении, то есть фактически позицию в предложении, различие в звучании слов (фонетический критерий), обращая внимание на частеречные переходы в китайском языке.

Среди работ западных лингвистов особое место занимают исследования этнических китайцев, приехавших в XX в. в США. Кроме вышеуказанного Ли Фангуя, можно назвать значительное количество имен.

Важным событием в истории американской и мировой лингвистики в целом является публикация в 1945 г. в Вашингтоне **Dictionary of Spoken Chinese** / **Словаря разговорного китайского языка под редакцией G.C. Marshall** / Дж.К. Маршала. В предисловии словаря, кроме описания фонетической системы китайского языка, содержится информация о закономерностях китайского синтаксиса и морфологии, говорится, что предложение китайского языка состоит из **sentence elements** / **частей предложения**: **nucleus** ядер (морфем) трёх типов – *nominal* / *номинативных*, *adjectival* / *адъективных*, *verbal* / *глагольных*, а также соединяющих их **particle** / **частиц**, **nominal reference** / **номинальных связок**, **adverbial modifier** / **обстоятельств** и **linking elements** / **связующих элементов**, то есть классификация тесно связана с функциями в предложении [Dictionary of spoken Chinese: Chinese-English...].

Через два года после публикации **Словаря разговорного китайского языка под редакцией Маршала** (в 1947 г.) был издан **Concise dictionary of spoken Chinese** 國語字典 / **Краткий словарь разговорного китайского языка**, подготовленный коллективом авторов Института языков Дальнего Востока Йельского университета: китайско-американскими синологами 趙元任 Zhao Yuanren / Чжао Юаньжэнем и 楊聯陞 Yang Liansheng / Ян Ляньшэном [Concise dictionary of spoken Chinese by Yuan Ren Zhao].

Отметим роль Йельского университета в изучении китайского языка в США в XX в. Кроме George Kennedy / Джорджа Кеннеди – автора системы романизации китайского языка (Йельская система путунхуа, англ.: Yale Mandarin), разработанной для американских военных в период Второй мировой войны, всемирно известны имена таких американских лингвистов, как Gardner Tewsbury / Гарднер Тьюксбери, 王方宇 Fred Fangyu Wang / Фрэд Ван Фанью, Henry Courtenay Fenn (H.C. Fenn) / Генри Фэн и др. Г. Фэн является основателем Yale system / Йельской системы грамматики китайского языка, автором двуязычных словарей: **The Five Thousand Dictionary: A Chinese-English Dictionary** / **Китайско-английского словаря: 5000 слов** (1926 г.), **Fenn's Chinese-English Pocket-Dictionary** / **Карманного китайско-английского словаря** (1942 г.) и др.

В отличие от ранее изданных словарей, *Краткий словарь разговорного китайского языка* содержит в себе информацию о грамматических функциях слова, принадлежности единицы к «free morphemes (F) / свободным морфемам» и «bound morphemes (B) / связанным морфемам», что позволяет назвать данный словарь в китайской терминологии комбинацией 字典 словаря иероглифов и 词典 словаря словосочетаний.

В словарных статьях не указывается синтаксическая роль единицы в предложении, при классификации используется термин word classes / классы слов, а не parts of speech / части речи, что объясняется отсутствием в китайском языке закрепленной за словом частеречной принадлежности и наличием частеречных переходов (например, существительное – глагол). В словаре выделяются 12 грамматических категорий: adjective (A) / прилагательное, demonstrative (Dem) / указательное местоимение, adverb (H) / наречие, intransitive verb (I) / непереходный глагол, conjunction (J) / союз, coverb (K), measure word (M) / счетное слово, noun (N) / существительное, numeral (Num) / числительное, pronoun (Pron) / местоимение, resultative compound (RC) / результирующий компонент и transitive verb (V) / переходный глагол. Новыми также можно назвать введенные авторами термины для обозначения подкатегорий, например, auxiliary nouns proper / собственно вспомогательные существительные и quasi-auxiliary nouns / квази-вспомогательные существительные и др.

В словаре описано употребление каждой лексической единицы: собраны наиболее частотные словосочетания с её использованием, указана стилистическая норма. В работе впервые в истории американской лингвистики представлена подробная характеристика междометий и частиц.

Один из авторов словаря Чжао Юаньжэнь – признанный родоначальник современного китайского языкознания, впоследствии использует и развивает данный подход к изучению грамматики китайского языка в учебниках *Cantonese Primer / Основы кантонского диалекта* (1947 г.), *Mandarin primer, an intensive course in spoken Chinese / Основы мандаринского диалекта, интенсивный курс китайского языка* (1948 г.) и др.

Наиболее известной работой Чжао Юаньжэня, представляющей собой результат многолетних исследований, является *A Grammar of Spoken Chinese / Грамматика разговорного китайского языка*, опубликованная издательством Калифорнийского университета в Беркли, США в 1968 г. [Chao Y.R., A Grammar of Spoken Chinese...]. Это исследование впоследствии было переведено на китайский язык 吕叔湘 / Люй Шусяном в 1979 г. и 丁邦新 / Дин Бансином в 1980 г. В работе Чжао Юаньжэня содержатся объяснения грамматических явлений. Для выявления специфики китайского языка в соответствии с семантическим критерием Чжао разделил слова современного китайского языка не на 8–9 классов, как это делали его предшественники, а на пятнадцать: существительные, имена собственные, слова со значением места, слова со значением времени, счётные комплексы, определения, счётные слова, слова с пространственным значением, местоимения, глаголы (в этот класс включаются и прилагательные), предлоги, наречия, союзы, служебные слова, междометия. Первые девять классов – существительные, имена собственные, слова со значением места, слова со значением времени, счётные комплексы, определения, счётные слова, слова с пространственным значением, местоимения – составляют группу предметных слов [Ван Ли, Части речи...].

Идеи Чжао получили развитие в работе **Mandarin Chinese: a functional reference grammar** / *Функциональная грамматика диалектов гуаньхуа китайского языка: справочник американских ученых Charles N. Li / Чарльза Ли и Sandra A. Thompson / Сандры Томпсон*, известных новаторскими идеями о разделении языков на языки с топиково-комментариевой структурой предложения и подлежащно-сказуемые языки, и определением китайского языка как языка с выдвиганием топика (*англ.*: Topic-Prominent Language; *кит.*: 话题优先语言/话题突出型语言).

Получившие распространение во второй половине XX в. теории функциональной грамматики сформировали предпосылки для переосмысления традиционных лингвистических понятий: П. Хоппер и С. Томпсон сформулировали дискурсивные обоснования частей речи. Вместе с тем интеграция восприятия китайского языка его носителями (в данном случае Ч. Ли) в подходы западной школы в определенной степени изменила взгляды американских и европейских учёных.

Ч. Ли и С. Томпсон описали синтаксис китайского языка в рамках противопоставления «топик-подлежащее», «именное словосочетание – глагольное словосочетание». В грамматике содержится подробное описание auxiliary verbs / *вспомогательных глаголов*, final-sentence particles / *частиц конца предложения*, adverbs / *наречий*, coverbs / prepositions / *предлогов* и др. с точки зрения их позиции и функций в предложении [Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar...].

Несмотря на достигнутые результаты, в вопросах выделения частей речи остаются некоторые лакуны. Сохраняющийся интерес западной школы к вопросу частеречной классификации подтверждает публикация в Лондоне в 2017 г. перевода на английский язык работы авторского коллектива лингвистов Гонконга и Тайваня: Chu-Ren Huang 黄居仁 / Хуан Цзюйжэнь, Shu-Kai Hsieh 謝舒凱 / Се Шукай, Keh-Jiann Chen 陳克健 / Чэнь Кэцзянь – **Mandarin Chinese Words and Parts of Speech** / *Слова и части речи диалектов гуаньхуа китайского языка*. Исследование выполнено с позиции корпусной лингвистики и направлено на решение потребностей part-of-speech tagging. В издании представлен материал, собранный и переработанный группой по обработке знаний и информации о китайском языке (SKIP) в Academia Sinica в 1993 и 1996 гг. [Mandarin Chinese Words and Parts of Speech...]. Классификация предполагает наличие в китайском языке verbs / *глаголов*, non-predicative adjectives / *непредикативных прилагательных*, content words (nouns) / *знаменательной части речи (существительных)*, adverbs / *наречий*, prepositions / *предлогов*, conjunctions / *союзов*, participles / *частиц* и позиции слова в предложении (фактически соотносится с теорией позиционной морфологии отечественного лингвиста В.А. Курдюмова) [Курдюмов В.А., Курс китайского языка...].

Таким образом, в западном языкознании с начала XX в. и до настоящего времени на фоне научных контактов с носителями китайского языка ведётся анализ и выбор критериев частеречной принадлежности, который прошёл этап отрицания наличия частей речи в китайском языке в работах некоторых исследователей первой половины XX в. Этап признания существования частей речи во время распространения идей универсальности всех языков и в настоящее время находится в процессе выделения новых принципов разграничения частей речи. Насущной и наиболее актуальной проблемой остаётся выработка

алгоритмов определения частеречной принадлежности для проведения разметки при компьютерной обработке текста.

Заключение

На протяжении более 400 лет западные лингвисты изучают грамматику китайского языка в целом и проблемы выделения частей речи в частности. Использование положенной в основу западного языкознания греко-римской модели грамматики при описании китайского языка является причиной появления некоторых спорных моментов в исследованиях данной области. В истории западной школы китайской грамматики можно выделить два этапа: период «самостоятельного изучения» (без оценки и участия в научных дискуссиях носителей языка, то есть до 1898 г.) и этап одновременного и/или совместного с китайскими лингвистами изучения, сопоставления и интеграции идей ученых Китая (с начала XX в. по настоящее время). Первый этап включает в себя периоды публикации испаноязычных работ (XVII в.), работ на латинском языке (XVIII–XIX вв.) и работ на разных европейских языках (XVIII–XIX вв.). Второй этап можно условно разделить на два подэтапа: подэтап «сомнений» и доказательств наличия частей речи в китайском языке (в первой половине XX в.) и подэтап поиска критериев частеречной принадлежности с учётом изменений общелингвистических подходов и теорий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ван Ли. Части речи // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXII. М., 1989. С. 37–53.

Гао Минкай. Цзай лунь ханьюй дэ цылэй феньбе : [Ещё раз о выделении частей речи в китайском языке] // Ханьюй дэ цылэй вэньти : [Проблема частей речи в китайском языке]. Пекин, 1955.

Курдюмов В.А. Курс китайского языка. Теоретическая грамматика. М.: Цитадель-трейд, Вече, 2005.

Мисхабова Д.Р. Рукописный перевод «Notitia linguae Sinicae» Ж. Премара в библиотеке Казанского университета / Cyberleninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rukopisnyu-perevod-notitia-linguae-sinicae-zh-premara-v-biblioteke-kazanskogo-universiteta> (дата обращения: 01.08.2019).

Шутова Е.И. Проблема частей речи в китаеведении // Вопросы языкознания. № 6, 2003. URL: http://issuesinlinguistics.ru/pubfiles/2003-6_47-64.pdf (дата обращения: 01.08.2019).

Abel Rémusat. Eléments de la grammaire chinoise, ou principes généraux du Kou-Wen ou style antique et du Kouan-Hoa, c'est-à-dire, de la langue commune généralement usitée dans l'Empire chinois URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k57208927> (дата обращения: 01.08.2019).

An introduction to part-of-speech tagging and the Hidden Markov Model // #Machine Learning. 8 June 2018. URL: <https://www.freecodecamp.org/news/an-introduction-to-part-of-speech-tagging-and-the-hidden-markov-model-953d45338f24/> (дата обращения: 01.08.2019).

Chao Y.R. A Grammar of Spoken Chinese. Berkeley – Los Angeles: University of California Press. 1968. 846 p.

Concise dictionary of spoken Chinese by Yuan Ren Zhao and Lian Sheng Yang. Cambridge: Published for the Harvard-Yenching Institute by Harvard University Press, 1947.

Dictionary of spoken Chinese: Chinese-English, English-Chinese /United States. War Dept / Digital General Collection. URL: <https://quod.lib.umich.edu/g/genpub/ASJ7483.0001.001?rgn=main;view=fulltext> (дата обращения: 01.08.2019).

Etienne Fourmont. Linguae Sinarum Mandarinicae hieroglyphicae grammatica duplex, 1742. 516 p. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k10403892> (дата обращения: 01.08.2019).

Henning Klöter. The Arte de la Lengua Chio Chiu (BMS): Transcript and Annotated Translation Transcript and Translation. Brill. URL: <https://brill.com/view/book/9789004195929/B9789004195929-s008.xml?lang=en> (дата обращения: 01.08.2019).

Jonathan Daniel. Arte de la lengua mandarina, 1703. URL: https://www.academia.edu/20310589/Arte_de_la_lengua_mandarina_1703_ (дата обращения: 01.08.2019).

Ma Jiangzhong. Mashì wentong. Shanghai – Beijing: Commercial Press, 1898. 273 p.

Mandarin Chinese Words and Parts of Speech : A Corpus-based Study / Chu-Ren Huang , Shu-Kai Hsieh , Keh-Jiann Chen. London: Taylor & Francis Ltd. 2017. 288 p.

Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar / Charles N. Li, Sandra A. Thompson. Crane Publishing Company, 2003. 691 p. URL: <https://epdf.pub/mandarin-chinese-a-functional-reference-grammar.html> (дата обращения: 01.08.2019).

Paternicò, Luisa M. “Martino Martini, dalla Grammatica Sinica alla Grammatica Linguae Sinensis”, in F. Congiu, B. Onnis, C. Pinna a cura di, Cina. La centralità ritrovata. Atti del XII convegno AISC, Cagliari 17–18 settembre 2009, Cagliari, 2012: Aipsa edizioni, pp. 339–354.

Stanislas Julien. Syntaxe nouvelle de la langue chinoise fondée sur la position des mots, suivie de deux traités sur les particules et les principaux termes de grammaire, d'une table des idiotismes, de fables, de légendes et d'apologues traduits mot à mot / Google books. URL: https://books.google.ru/books?id=1K8xAAAAIAAJ&printsec=frontcover&hl=fr&source=gb_s_book_other_versions_r&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 01.08.2019).

The History of Chinese Grammars in Chinese and Western Scholarly Traditions / Hilary Chappell, Alain Peyraube. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1179/1759753614Z.00000000032> (дата обращения: 01.08.2019).

Von Der Gabelentz, Georg. Chinesische Grammatik. Mit Ausschluss des niederen Stiles und der heutigen Umgangssprache. Nabu Press. 2014. 598 p.

REFERENCES

Abel Rémusat. Eléments de la grammaire chinoise, ou principes généraux du Kou-Wen ou style antique et du Kouan-Hoa, c'est-à-dire, de la langue commune généralement usitée dans l'Empire chinois. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k57208927> (accessed: 1 August 2019).

An introduction to part-of-speech tagging and the Hidden Markov Model, #Machine Learning, 8 June 2018. URL: <https://www.freecodecamp.org/news/an-introduction-to-part-of-speech-tagging-and-the-hidden-markov-model-953d45338f24/> (accessed: 1 August 2019).

Chao Y.R. (1968). A Grammar of Spoken Chinese, Berkeley – Los Angeles: University of California Press, 846 p.

Charles N. Li, Sandra A. Thompson. (2003). *Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar*, Crane Publishing Company, 691 p. URL: <https://epdf.pub/mandarin-chinese-a-functional-reference-grammar.html> (accessed: 1 August 2019).

Chu-Ren Huang, Shu-Kai Hsieh, Keh-Jiann Chen. (2017). *Mandarin Chinese Words and Parts of Speech: A Corpus-based Study*, London: Taylor & Francis Ltd, 288 p.

Concise dictionary of spoken Chinese by Yuan Ren Zhao and Lian Sheng Yang, Cambridge: Published for the Harvard-Yenching Institute by Harvard University Press, 1947.

Dictionary of spoken Chinese: Chinese-English, English-Chinese /United States. War Dept / Digital General Collection. URL: <https://quod.lib.umich.edu/g/genpub/ASJ7483.0001.001?rgn=main;view=fulltext> (accessed: 1 August 2019).

Etienne Fourmont. (1742). *Linguae Sinarum Mandarinicae hieroglyphicae grammatica duplex*, 516 p. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k10403892> (accessed: 1 August 2019).

Gao Mingkai. (1955). *Zai lun hanyu-de cilei fenbie* [Once again on parts of speech in Chinese], *Hanyu de cilei wenti* [The problem of parts of speech in Chinese], Pekin.

Henning Klöter. *The Arte de la Lengua Chio Chiu (BMS): Transcript and Annotated Translation* Transcript and Translation, Brill. URL: <https://brill.com/view/book/9789004195929/B9789004195929-s008.xml?lang=en> (accessed: 1 August 2019).

Hilary Chappell, Alain Peyraube. *The History of Chinese Grammars in Chinese and Western Scholarly Traditions*. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1179/1759753614Z.00000000032> (accessed: 1 August 2019).

Jonathan Daniel. (1703). *Arte de la lengua mandarina*. URL: https://www.academia.edu/20310589/Arte_de_la_lengua_mandarina_1703_ (accessed: 1 August 2019).

Kurdyumov V.A. (2005). *The course of the Chinese language. Theoretical grammar*. Moscow: Citadel-trade, Veche.

Ma Jiangzhong. (1898). *Mashi wentong*, Shanghai – Beijing: Commercial Press, 273 p.

Mishabova D.R. (2016). *Rukopisnyy perevod «Notitia linguae Sinicae» J. de Prémare v biblioteke Kazanskogo universiteta* [Handwritten translation of “Notitia linguae Sinicae” by J. Marie de Prémare in the library of Kazan University], Cyberleninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rukopisnyy-perevod-notitia-linguae-sinicae-zh-premara-v-biblioteke-kazanskogo-universiteta> (accessed: 1 August 2019). (In Russian).

Paternicò, Luisa M. (2012). Martino Martini, dalla Grammatica Sinica alla Grammatica Linguae Sinensis, in F. Congiu, B. Onnis, C. Pinna a cura di, Cina. La centralità ritrovata. Atti del XII convegno AISC, Cagliari 17–18 settembre 2009, Cagliari: Aipsa edizioni, pp. 339–354.

Shutova E.I. (2003). *Problema chastey rechi v kitaevedenii* [The problem of parts of speech in Sinology], *Voprosy yazykoznaniiya* [Linguistics Issues], No. 6, 2003. URL: http://issuesinlinguistics.ru/pubfiles/2003-6_47-64.pdf (accessed: 1 August 2019). (In Russian).

Stanislas Julien. *Syntaxe nouvelle de la langue chinoise fondée sur la position des mots, suivie de deux traités sur les particules et les principaux termes de grammaire, d'une table des idiotismes, de fables, de légendes et d'apologues traduits mot à mot*, Google books. URL:

https://books.google.ru/books?id=1K8xAAAAIAAJ&printsec=frontcover&hl=fr&source=gbs_book_other_versions_r&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (accessed: 1 August 2019).

Von Der Gabelentz, Georg. (2014). Chinesische Grammatik. Mit Ausschluss des niederen Stiles und der heutigen Umgangssprache, Nabu Press. 598 p.

Wang Li. (1989). Chasti rechi [Part of speech], *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics], № XXII, Moscow: pp. 37–53. (In Russian).

Для цитирования: Малышева А.В. Основные этапы исследования частей речи китайского языка в западном языкознании // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 1. С. 56–70.

For citation: Malysheva A.V. (2019). Osnovnye e'tapy issledovaniya chastey rechi kitayskogo yazyka v zapadnom yazykoznanii [The main stages of the study of parts of the speech of the Chinese language in Western linguistics], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2019, 1: 56–70. (In Russian).

Размышления о полноценности поэтического перевода (ранние переводы классической японской поэзии на русский язык)

О.Н. Грунина

Аннотация. Статья содержит размышления о полноценности поэтического перевода на примере ранних переводов классической японской поэзии танка на русский язык. Перевод, выполненный профессиональным поэтом, не владеющим языком оригинала, с помощью далеко не всегда добросовестного подстрочного перевода, сложно назвать полноценным. Передача замысла автора, духа и времени произведения, часто приносится в жертву красоте звучания.

Ключевые слова: японская поэзия, поэзия танка, поэтический перевод, полноценность перевода.

Автор: Грунина Ольга Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры восточных языков, Институт стран Востока. E-mail: oniks3007@yandex.ru

Reflections on the usefulness of poetic translation (early classical Japanese poetry in Russian)

O.N. Grunina

Abstract. The article contains reflections on the usefulness of poetic translation on the example of translation of classical Japanese tanka poetry into Russian. A translation made by a professional poet who does not speak the original language with the help of not always conscientious subscript, can hardly be called full-fledged. The transfer of the author's idea, spirit and time of the work is often sacrificed to the beauty of the sound.

Keywords: Japanese poetry, tanka poetry, poetic translation, usefulness of translation.

Author: Grunina Olga N., PhD (Pedagogy), Associate Professor of Oriental languages, Institute of Oriental countries. E-mail: oniks3007@yandex.ru

Общеизвестно, что качество перевода определяется его полноценностью и адекватностью. Полноценность перевода означает исчерпывающую точность в передаче смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему.

Понятие «полноценное функционально-стилистическое соответствие подлиннику» ясно указывает на два возможных пути передачи формы в единстве с содержанием: воспроизведение особенностей формы подлинника и создание функциональных

соответствий этим особенностям. Значит, наряду с передачей особенностей формы подлинника необходимо учитывать стиль, характерный для данного материала, а не буквально копировать форму оригинала.

Следует помнить, что при переводе отдельные лексические единицы (слова, идиомы, фразеологизмы и т. д.) и грамматические элементы подлинника (синтаксические конструкции) могут передаваться различными вариантами, если они приемлемы с точки зрения адекватности оригиналу.

Адекватность перевода отдельных фраз, предложений и абзацев следует рассматривать в плане достижения адекватности перевода всему оригиналу в целом, так как не только части создают целое, но и целое определяет части.

Уже сам по себе перевод художественных произведений представляет собой определенную проблему для переводчика, продиктованную необходимостью поиска подходящих слов и выражений, способных максимально точно отразить то, что хотел сказать автор оригинала.

Перевод поэтических текстов как разновидность художественного перевода представляется еще более сложным. Строгие ограничения, налагаемые на поэтические произведения в силу специфики самого жанра, необходимость передать в переводе не только содержание, но и ритмико-мелодическую и композиционно-структурную сторону подлинника, зависимость поэтического произведения от особенностей языка, на котором оно написано, – все это делает перевод поэзии одной из наиболее трудных областей переводческой деятельности. Расхождение между структурой двух языков обуславливает передачу информации различными языковыми средствами (например, часто то, что в русском языке выделяется интонационно, в японском выражается с помощью грамматических конструкций). При этом переводчику необходимо передать ритм, рифмовку, аллитерации, ассонансы, звукоподражания, звуковой символизм и другие выразительные средства поэзии.

Данный вид перевода представляет собой прежде всего акт межъязыковой и межкультурной коммуникации. Как отмечала известный литературовед, переводчик японской поэзии В.Н. Маркова: «Переводчики – это мосты, соединяющие культуры, народы и цивилизации в пространстве и во времени» [Курганова, 2019]. При этом передача поэтической информации осуществляется только с помощью завершенного текста, каждая составная часть которого обретает истинное содержание только в составе этого целостного текста и никогда сама по себе не имеет смысла. Поэтический текст, как и любой другой, является носителем определенной информации. Однако, в отличие от любого другого текста, в поэтическом тексте содержится не только фактическая, но и эстетическая информация. Именно передача эстетической информации является главной задачей переводчика.

По мнению Н.И. Балашова [Балашов, 1982, с. 125–135], в зависимости от того вида информации, который переводчик желает с максимальной точностью воспроизвести, возможны три принципиально разных метода перевода одного и того же поэтического подлинника.

1. Филологический перевод – перевод поэтического текста, выполненный прозой и нацеленный на максимально полную передачу фактуальной информации подлинника. Данный вид перевода является вспомогательным и, как правило, сопровождается

параллельным текстом подлинника или обширными комментариями. Филологический перевод не выполняет функцию поэтической коммуникации, но с максимальной точностью передает каждую фактологическую деталь оригинала.

2. Стихотворный перевод – это такой метод перевода поэзии, при котором фактуальная информация оригинала передается на языке перевода не поэтической, а лишь стихотворной речью. Этот вид перевода очень близок к оригиналу в отношении слов и выражений, а равно и в стилистическом отношении. Этот вид перевода искажает концептуальную информацию и практически не воспроизводит информации эстетической.

Данный вид перевода полезен и пригоден для специальных и специфических целей: например, для фрагментарного цитирования поэзии в научно-филологических работах, для академических изданий литературных памятников, рассчитанных на узкий круг специалистов, которых подлинник интересует лишь как источник фактической и формально-стилистической информации.

3. Поэтический перевод как таковой. Это единственный способ перевода поэзии, предназначенный для собственно поэтической коммуникации – такого вида общения между автором и реципиентом, при котором посредством стихотворного текста осуществляется одновременная передача смысловой и эстетической информации.

В силу своей специфичности перевод поэзии вызывает ряд объективных трудностей и проблем. Среди основных проблем выделяют: 1) сохранение национального своеобразия; 2) сохранение духа и времени произведения; 3) выбор между точностью и красотой перевода.

Перевод классической японской поэзии на любой язык содержит еще и дополнительную трудность, заключающуюся не только в лаконичности и строгости форм поэзии танка (5-7-5-7-7 слогов) и хайку (5-7-5 слогов), но и в глубине подтекста, передающего малейшие оттенки человеческих чувств, в том числе и звукосочетанием, и часто связанным с буддийской символикой. Между тем для иностранного читателя, да и переводчика, не владеющего японским языком, японская поэзия до сих пор остается в значительной степени лишь «поэзией природы» или «поэзией настроения». Такой стереотипный подход, как представляется, отнюдь не способствует полноценной передаче смысла оригинала.

Между тем сущность классической японской поэзии гораздо глубже, чем просто передача настроения через описание природы. Как указывает литературовед А.А. Долин: «В основе поэтики *танка* и *хайку* лежит стремление к конденсации образного мышления. Ее символ – мир, отраженный в капле, а точнее – в мириадах похожих друг на друга капель воды. Для японского поэта, унаследовавшего классическую традицию, на передний план выступает рефлексивная сторона творчества – осмысление извечных законов природы. Дзэн-буддизм, адаптировавший буддийскую метафизику к земной реальности и нуждам изящных искусств, придал окончательную форму концепции Бытия художника во Вселенной» [Долин, 2012, с. 159].

Прежде ученых-японистов широкую русскоязычную аудиторию познакомили с японской поэзией поэты Серебряного века – В. Брюсов и К. Бальмонт. Не владея японским языком, они знакомились с оригиналом по подстрочному переводу, выполненному, к сожалению, не всегда тщательно и часто формально. Авторы подстрочников, даже являясь носителями японского языка, часто подменяли

национальное своеобразие восточной экзотикой, мода на которую была весьма заметна в европейской культуре конца XIX – начала XX вв., не считали нужным передать дух и время оригинала, а авторский замысел терялся в красоте, а точнее, «красивости» звучания. К тому же профессиональные поэты, имея дело с формально выполненным подстрочником, приносили в перевод свое мировидение, обусловленное своей культурой и поэтическими взглядами.

В результате выполненный перевод оказывался далек от полноценной передачи содержания оригинала.

В качестве примера хотелось бы привести перевод танка известной поэтессы IX в. Оно-но Комати из антологии «Кокинсю».

Оригинал выглядит так:

詫びぬれば	wabi nureba
身を浮き草の	mi-wo ukigusa-no
根を耐えて	ne-wo taete
誘う水あらば	sasou mizu araba
いなんとぞ思う	inan to zo omou

На это стихотворение обратил внимание поэт Серебряного века К. Бальмонт. Не владея японским языком, он познакомился с текстом по подстрочнику, выполненному М. Ямагути: *«Когда истомится моя душа, оторвавшись от своих корней, я уплыву, как водяной цветок; если впрочем будет вода, которая меня поманит»* [Японская поэзия, 2018, с. 18–19].

Русский поэт выполнил пять вариантов перевода танка Оно-но Комати:

- 1) Когда душа моя, тоскуя,
Сорвется от своих корней,
Как водный цветик, уплыву я.
А впрочем, будет ли ручей,
Чтоб влагой поманить своей...
- 2) Когда истомится душа,
От своих оторвавшись корней,
Уплыву я, как водный цветок.
Если только возникнет вода
И поманит меня за собой.
- 3) Когда душа, истосковавшись,
Быть на корнях своих устанет,
Я уплыву, как цвет, сорвавшись,
Коль глянет влага, засмеявшись,
Которая меня поманит.

4) Когда истомится душа моя,
От своих оторвавшись корней,
Уплыву я, как водная лилия,
Если только волною своей
Поманит меня влага быть с ней.

5) Когда, тоскуя,
Душа с корней сорвется,
Вдаль уплыву я,
Вода была бы только,
Которая поманит.

Каждый из этих переводов передает свой оттенок настроения: первый – легкое кокетство, второй – меланхолическое размышление, третий – некоторую наивность, четвертый – несбыточную мечту, пятый своим лаконизмом и сдержанностью, на наш взгляд, наиболее близок к японскому оригиналу. Но является ли какой-либо из представленных переводов полноценным?

Обратившись к оригиналу и подстрочнику, мы видим, что 浮き草 (укигуса) переведено как «водяной цветок». Но что такое «водяной цветок» для русскоязычного человека? Это кувшинка, или лилия – красивый цветок, до которого трудно добраться в воде, и не более того. Для японца же водяной цветок – лотос, и одно это название уже влечет за собой целый комплекс смыслов, связанных с буддизмом. Правда, в оригинале лотос не упоминается, а упоминается укигуса – ряска, букв. «всплывающая трава». Можно понять автора подстрочника – «цветок» по-русски звучит поэтичнее, но звучание «укигуса» сразу вызывает в памяти ассоциацию с «укиё» (浮き世 «иллюзорный, плывущий по течению, бранный мир») – понятием опять-таки буддийским. К тому же замена «ряски» на «цветок» делает невозможным передачу дополнительного, переносного значения слова «укигуса» – «перекати-поле». То есть, в авторском тексте содержится прозрачный намек на уход из этого мира, возможно, не физический, а ментальный, уход в отшельничество – весьма распространенный мотив всей японской поэзии того времени.

В сочетании с ним по-другому звучит и тема воды, которой «пропитано» все стихотворение Оно-но Комати («зовущая вода», «всплывающая трава», «отрыв от корней»). И, наконец, грамматическая форма с окончанием на «*ば*» может иметь не только значение условия «если», но и условно-временное значение «когда». С учетом буддийской символики нам представляется здесь более уместным именно такое толкование.

Таким образом, мы видим, что танка Оно-но Комати несет в себе тему буддийского фатализма, изящно, но при этом очень точно переданную через образ плывущей по течению травы без корней.

В этом стихотворении содержится значительно более глубокий смысл, чем передает нам подстрочник, и уж во всяком случае, такие настроения, как кокетство и наивность в переводе выглядят несколько неуместными. Автор подстрочника, на наш взгляд, не сумел

(а возможно, не счел нужным) сохранить дух и время произведения и предпочел «красоту» звучания точности перевода.

Никоим образом не претендуя на лавры поэта-переводчика, позволим себе представить собственный вариант:

Когда, тоскою пропитав насковозь,
С собой возьмет вода, сквозь душу протекая,
Покинув этот мир,
Уйду я прочь,
Как уплывает вдаль трава речная.

(Многие не считают корректной рифму в русском переводе японской поэзии, но заметим, что такие переводы встречаются у В.Н. Марковой, А.Е. Глускиной и других признанных переводчиков японской поэзии).

Заключение

Приведенный выше пример иллюстрирует сложность создания полноценного перевода классической японской поэзии на русский язык. Перевод, выполненный даже профессиональным поэтом, не владеющим языком оригинала, с помощью далеко не всегда добросовестного подстрочного перевода, сложно назвать полноценным. Передача замысла автора, духа и времени произведения, часто приносится в жертву красоте звучания, а национальное своеобразие подменяется восточной экзотикой. Основная ответственность за полноценность поэтического перевода возлагается на автора подстрочника, которому недостаточно просто владеть языком оригинала, даже в качестве родного языка. Необходимо знание – и передача – всех культурных кодов эпохи создания произведения, личности автора и особенностей поэтического языка жанра. Как указывает литературовед переводчик японской поэзии А.А. Долин: «...нужно настолько всестороннее понимание текста, контекста и всего многослойного аллюзивного ряда, что поэт, рискнувший по старой советской традиции переводить с чужого подстрочника, неизбежно создает “сапоги всмятку”» [Долин, 1995, с. 213].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Балашов Н.И. Структурно-реляционная дифференциация знака языкового и знака поэтического. Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1982. № 2. Т. 41, с. 125–135.

Долин А.А. Мир в капле дождя. Иностранная литература, 2012. № 2. С. 159–160.

Долин А.А. О принципах перевода классической поэзии танка. В кн. «Кокинвакасю», том 3, перевод со старояпонского А. Долина. М.: Радуга, 1995 г., с. 198–214.

Курганова М. И слово стало чудом. Переводы Веры Марковой. 2019. URL: <https://zen.yandex.ru/media/japandolls/i-slovo-stalo-chudom-perevody-very-markovoi-5c5dd621ff293600ade5469c> (дата обращения: 30.09.2019).

Японская поэзия. Серия Библиотека мировой литературы / СПб.: СЗКЭО, 2017.

REFERENCES

Balashov N.I. (1982). Strukturno-relyatsionnaya differentsiatsiya znaka yazykovogo i znaka poeticheskogo [Structural-relational differentiation of linguistic sign and poetic sign], *Izvestia USSR Academy of Sciences*, Ser. lit. and yaz., 1982, No. 2, vol. 41: 125–135. (In Russian).

Dolin A.A. (1995). O printsipah perevoda klassicheskoi poezii tanka [On the principles of translation of classical poetry tank], in the book “Kokinwakashu”, vol. 3, the translation from the old Japanese of A. Dolin, Moscow: Raduga: 198–214. (In Russian).

Dolin A.A. (2012). Mir v kaple dozhdya [The world in a raindrop], *Foreign literature*, 2012, No. 2: 159–160. (In Russian).

Kurganova M. (2019). I slovo stalo chudom. Perevody Very Markovoi [And the word was a miracle. Translations of Vera Markova]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/japandolls/i-slovo-stalo-chudom-perevody-very-markovoi-5c5dd621ff293600ade5469c> (accessed: 30 September 2019). (In Russian).

Yaponskaya poeziya (2017). [Japanese poetry], Series “Library of world literature”, St. Petersburg: SZKEO, 2017. (In Russian).

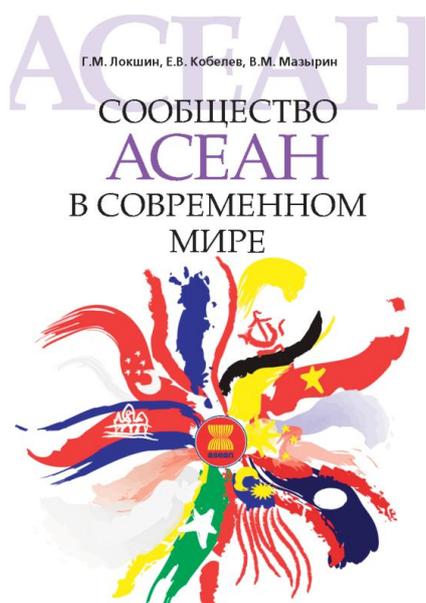
Для цитирования: Грунина О.Н. Размышления о полноценности поэтического перевода (ранние переводы классической японской поэзии на русский язык) // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 1. С. 71–77.

For citation: Grunina O.N. (2019). Razmyshleniya o polnocennosti poeticheskogo perevoda (rannie perevody klassicheskoi yaponskoj poezii na russkij yazyk) [Reflections on the usefulness of poetic translation (early classical Japanese poetry in Russian)], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2019, 1: 71–77. (In Russian).

*Новые книги**New books*

В разделе представлены некоторые книги, изданные в Институте Дальнего Востока РАН за период с января по сентябрь 2019 г.

Сообщество АСЕАН в современном мире

Сообщество АСЕАН в современном мире: монография / Г.М. Локшин, Е.В. Кобелев, В.М. Мазырин. М.: ИД «ФОРУМ», 2019. 296 с. ISBN 978-5-8199-0887-7

Аннотация. Предлагаемая читателю монография ученых Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Института Дальнего Востока РАН посвящена итогам полувековой деятельности Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), ее роли в поддержании мира, безопасности и сотрудничества в регионе, актуальным проблемам и перспективам ее укрепления и развития. В монографии показаны особенности интеграционного процесса в регионе на фоне мощного подъема Китая, продолжающегося ослабления господствующих позиций США и усилившегося соперничества между великими державами в борьбе за

влияние в Азии. Авторами проанализирован комплекс противоречий в Юго-Восточной Азии, прежде всего, территориальные споры в Южно-Китайском море и пути их мирного политического решения. Особое внимание уделено состоянию и перспективам отношений России с АСЕАН.

Книга адресована ученым и специалистам-практикам, занимающимся проблемами мира и безопасности в Восточной Азии и АТР, преподавателям и студентам вузов, широкому кругу читателей. Оценки и выводы в главах монографии являются полностью авторскими и не всегда совпадают с позицией ИДВ РАН.

Ключевые слова: АСЕАН, Юго-Восточная Азия, АТР, Сообщество АСЕАН, Южно-Китайское море, безопасность, суверенитет, интеграция, экономическое сообщество АСЕАН, социально-культурное сообщество, Восточноазиатское сообщество, Кодекс поведения сторон в ЮКМ (СОС), Проект «Один пояс, один путь», Индо-Тихоокеанский регион.

ASEAN Community in the Modern World

Lokshin G.M., Kobelev E.V., Mazyrin V.M. ASEAN Community in the Modern World, Moscow: ID "FORUM", 2019, 296 p. ISBN 978-5-8199-0887-7

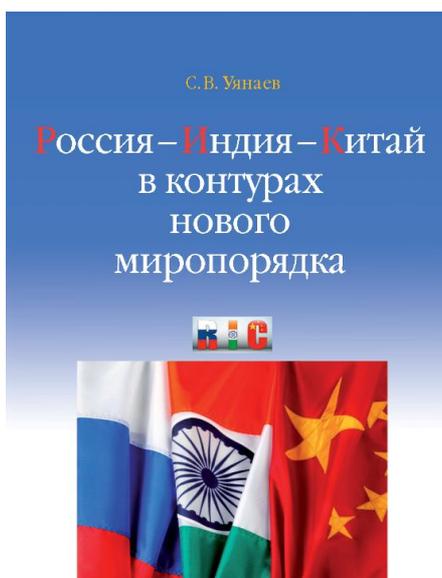
Abstract. The monograph proposed to the reader by the Center for the Vietnam and ASEAN Studies of the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences is devoted to the results of the half-century activities of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN), its role in maintaining peace, security and cooperation in the region, current problems and prospects

for its strengthening and development. The monograph shows the features of the integration process in the region against the backdrop of a powerful upsurge of China, the continued weakening of the dominant positions of the United States and under the influence of increased rivalry between great powers for the influence in Asia. The authors analyzed a complex of contradictions in Southeast Asia, first of all, territorial disputes in the South China Sea and the ways of its peaceful political solution. Special attention is paid to the state and prospects of Russia's relations with ASEAN.

The book is written for scholars and practitioners dealing with the problems of peace and security in East Asia and the Asia-Pacific Region, teachers and students of universities, and a wide circle of readers. The assessments and conclusions in the chapters of the monograph are fully authored and do not always coincide with the position of the IFES RAS.

Keywords: ASEAN, Southeast Asia, Asia Pacific, ASEAN Community, South China Sea, security, sovereignty, integration, ASEAN economic community, Socio-cultural community, East Asian Community, Code of Conduct of Parties in the SCS, “One Belt, One Road” Project, Indo Pacific.

Россия–Индия–Китай: в контурах нового миропорядка. К 90-летию академика Евгения Максимовича Примакова

Россия–Индия–Китай: в контурах нового миропорядка.
К 90-летию академика Евгения Максимовича
Примакова: монография / С.В. Уянаев; отв. ред. акад.
В.С. Мясников. М.: ИД «ФОРУМ», 2019. 322 с. ISBN 978-
5-8199-0870-9

Аннотация. В книге, которая предназначена читателю, интересующемуся международной политикой, рассматриваются потенциал, реальная практика, а так же ограничители трехстороннего взаимодействия России, Индии и Китая (функционирующий с 2002 г. формат РИК). Тема представлена путем анализа глобальной и региональной роли каждой из трех стран, сопоставления совпадений и различий, которые присутствуют в их международных интересах.

Ключевые слова: Россия, Индия, Китай, РИК,

международные отношения, торгово-экономическое сотрудничество.

Russia–India–China: in the outlines of the new world order For the 90th birthday anniversary of academician Eugeny M. Primakov

Uyanayev S.V. Russia–India–China: in the outlines of the new world order. For the 90th birthday anniversary of academician Eugeny M. Primakov, ed. academician V.S. Myasnikov, Moscow: ID “FORUM”, 2019, 322 p. ISBN 978-5-8199-0870-9

Abstract. The book is focused on the potentials, actual practice, as well as restraints of the trilateral interaction among Russia, India and China (the RIC format functioning since 2002). This subject is presented through the analysis of the global and regional roles being played by

each of the three countries, as well as through juxtaposition of similarities and differences featuring their respective international interests.

Keywords: Russia, India, China, RIC, international relations, trade and economic cooperation.

Перспективы многостороннего сотрудничества ШОС с международными структурами в интересах развития стратегии Организации

Перспективы многостороннего сотрудничества ШОС с международными структурами в интересах развития стратегии Организации / отв. ред.-сост. Ю.В. Морозов. М.: ИДВ РАН, 2019. 344 с. ISBN 978-5-8381-0349-9

Аннотация. Коллективная монография, подготовлена научными сотрудниками Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС Института Дальнего Востока РАН и специалистами из других профильных организаций РАН. Она посвящена анализу перспектив развития Шанхайской организации сотрудничества и изучению условий ее сотрудничества с международными структурами в свете обретения Индией и Пакистаном статуса полноправных членов ШОС. Научной основой написания данной работы стал круглый стол, состоявшийся в Центре изучения

стратегических проблем СВА и ШОС, в ходе которого были рассмотрены международно-правовые аспекты деятельности ШОС, торгово-экономические параметры сотрудничества, а также актуальные проблемы безопасности в Центральной Азии и на пространстве ШОС. В исследовании представлены новые теоретические и практические подходы к вопросам реализации многостороннего сотрудничества и раскрытия потенциала ШОС в рамках обеспечения коллективной безопасности. Особое внимание уделено анализу региональных проблем и возможностей развития российско-китайских отношений в конкретных сферах экономики, политики и культурно-гуманитарного сотрудничества.

Ключевые слова: ШОС, КНР, Российская Федерация, Центральная Азия, международная политика, экономика, российско-китайские отношения.

Prospects for the SCO's multilateral cooperation with international structures for the development of the Organization's strategy

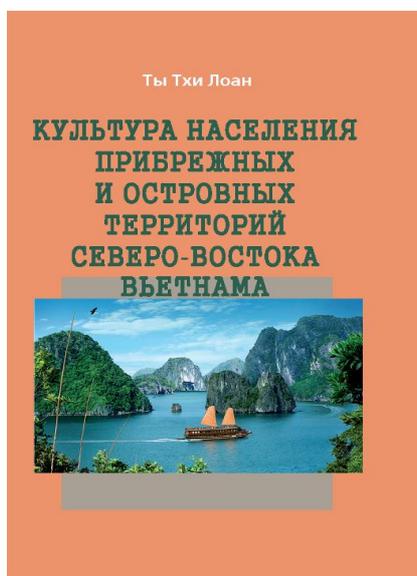
Prospects for the SCO's multilateral cooperation with international structures for the development of the Organization's strategy, ed. Yu.V. Morozov, Moscow: IFES RAS, 2019, 344 p. ISBN 978-5-8381-0349-9

Abstract. This collective monograph is written by a team of researchers from the North East Asia Strategic Issues and SCO Center of the IFES RAS and by invited experts from other think-

tanks. The monograph analyses development prospects of the Shanghai Cooperation Organization and the conditions of its cooperation with international structures in the light of obtaining the full SCO membership status by India and Pakistan. The scientific groundwork of the monograph is represented by results of the Round Table, organized by the Center, during which the international law aspects of SCO activity, trade-economic cooperation, security issues in the Central Asian and in the SCO region were examined. The book offers new theoretical and practical approaches to conduct multilateral cooperation and use SCO potential as an instrument of collective security. The special attention is devoted to the analysis of regional issues and to the development opportunities of Russian-Chinese relationships in the fields of economy, political spheres and cultural cooperation.

Keywords: SCO, People's Republic of China (PRC), Russian Federation, Central Asia, foreign policy, economy, Russian-Chinese relations.

Культура населения прибрежных и островных территорий северо-востока Вьетнама

Культура населения прибрежных и островных территорий северо-востока Вьетнама / Ты Тхи Лоан. М.: ИД «ФОРУМ», 2019. 268 с. ISBN 978-5-8199-0893-8

Аннотация. Книга дает всесторонний обзор культуры прибрежных и островных территорий северо-востока Вьетнама, показывая ценности жизни и быта, духовной, художественной, экологической культуры населения этого региона. Глубоко изучив данную тему и оценив современное состояние охраны и продвижения этих ценностей, автор предлагает решения для повышения эффективности их использования в социально-экономическом развитии прибрежных и островных территорий северо-востока и защите государственного суверенитета над морем и островами этого региона, являющегося форпостом страны.

Книга является полезным справочником для работников культуры, политиков, ученых и преподавателей, а также для всех, интересующихся культурой Вьетнама.

Ключевые слова: Вьетнам, северо-восточный регион, морская культура, островная культура, ценности, охрана, продвижение.

Maritime and island culture of North-East Vietnam

Tu Thi Loan. Maritime and island culture of North-East Vietnam (translated from Vietnamese). Moscow: ID "FORUM", 2019, 268 p. ISBN 978-5-8199-0893-8

Abstract. The book gives a comprehensive overview of the culture of the coastal and island territories of the north-east Vietnam, showing the values of life, spiritual, artistic, ecological culture of the population of this region. Having thoroughly studied this topic and appreciated the current state of protection and promotion of these values, the author proposes solutions to increase their effectiveness

in the socio-economic development of the coastal and island territories of the north-east and protect state sovereignty over the sea and islands of this region, which is an outpost of the country.

The book is useful for specialists in the culture field, politicians, scholars and teachers, as well as for anyone interested in the culture of Vietnam.

Keywords: Vietnam, northeastern region, maritime culture, island culture, values, protection, promotion.

КНР: военная политика в начале XXI века

КНР: военная политика в начале XXI века: монография / П.Б. Каменнов. М.: ИДВ РАН, 2019. 248 с. ISBN 978-5-8381-0298-0

Аннотация. В монографии ведущего научного сотрудника ИДВ РАН П.Б. Каменнова исследуется роль военной политики КНР в обеспечении условий реализации национальной стратегии развития, целью которой является достижение Китаем к середине XXI века (к столетию образования КНР) статуса мировой модернизированной державы. Военная политика рассматривается в контексте превентивных мер в сфере безопасности, направленных на обеспечение внутривнутриполитической стабильности и благоприятных внешних условий вокруг Китая. Анализируются военно-доктринальные взгляды руководства

КНР и их отражение в практике военного строительства, в том числе в ходе новой военной реформы 2015-2020 гг. Рассматриваются проблемы модернизации главного компонента китайских вооруженных сил – Народно-освободительной армии Китая (НОАК), военно-промышленного комплекса, военно-гражданской интеграции, развития российско-китайского военного и военно-технического сотрудничества.

Ключевые слова: военное строительство, Центральный военный совет (ЦВС) КНР, КПК, наука и техника, инновации, военный потенциал, НОАК, военно-промышленный комплекс, российско-китайское военное и военно-техническое сотрудничество.

PRC: military policy in the beginning of the XXI century

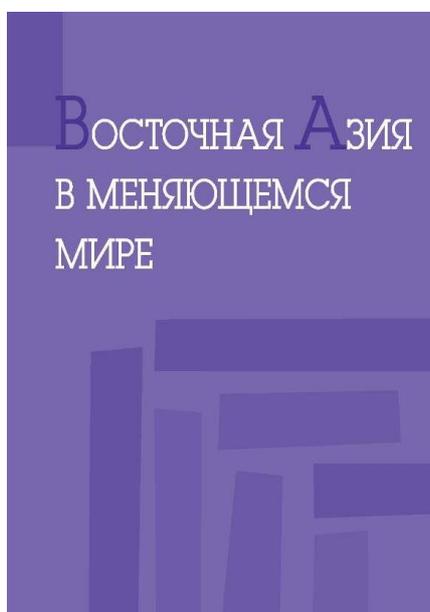
Kamennov P.B. PRC: military policy in the beginning of the XXI century, Moscow: IFES RAS, 2019, 248 p. ISBN 978-5-8381-0298-0

Abstract. In the monograph the leading researcher of Institute of Far Eastern Studies, RAS P.B. Kamennov examines the role of the military policy of the PRC in providing conditions for the implementation of the national development strategy, which aims to achieve China by the middle of XXI century (to the centenary of the founding of the PRC) the status of the modernized world powers. Military policy is considered in the context of preventive security measures aimed at ensuring domestic political stability and favourable external conditions around China. The article analyzes the military doctrinal views of the Chinese leadership and their reflection in the practice of

military construction, including during the new military reform of 2015-2020; the problems of modernization of the main component of the Chinese armed forces – the People's Liberation Army (PLA), the military-industrial complex, military-civil integration, the development of Russian-Chinese military and military-technical cooperation are Considered.

Keywords: military construction, the Central military Commission (CMC) of the PRC, CCP, science and technology, innovation, military potential, the PLA, the military-industrial complex, military-civil integration, Russian-Chinese military and military-technical cooperation.

Восточная Азия в меняющемся мире Доклады, представленные на VI международной конференции молодых востоковедов в Институте Дальнего Востока РАН (Москва, 29–30 ноября 2018 года)

Восточная Азия в меняющемся мире: Доклады, представленные на VI международной конференции молодых востоковедов в Институте Дальнего Востока РАН (Москва, 29–30 ноября 2018 года) / Совет молодых ученых ИДВ РАН. М.: ИДВ РАН, 2019. 304 с. ISBN 978-5-8381-0348-2

Аннотация. В сборнике материалов VI международной научной конференции молодых востоковедов, состоявшейся в Институте Дальнего Востока РАН в ноябре 2018 г., представлены доклады по различным аспектам функционирования и сотрудничества стран Восточной Азии в условиях меняющегося мира. Авторы рассматривают важные проблемы политического и экономического развития Китая, Японии, Монголии, Южной и Северной Кореи, анализируют влияние внутренних и внешних факторов на перспективы и ключевые сферы международного сотрудничества в регионе и за его пределами. Учитывая накапливающийся конфронтационный потенциал в современном мире, отдельное внимание уделено рассмотрению спорных вопросов и направлений конкуренции между странами Восточной Азии и другими значимыми международными игроками. Несколько докладов посвящено актуальным вопросам исторического наследия, изучению социокультурного пространства государств региона.

Ключевые слова: Восточная Азия, Россия, Китай, Корея, Япония, безопасность, сотрудничество.

East Asia in the changing world

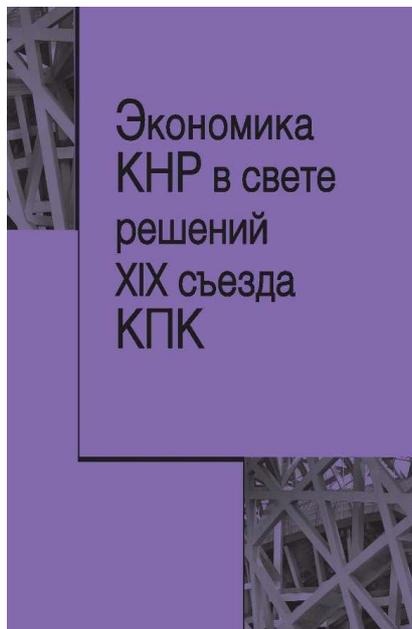
Academic papers presented at the VI International Scientific Conference of Young Orientalists held in the IFES RAS on 29–30 November 2018

East Asia in the changing world. Academic papers presented at the VI International Scientific Conference of Young Orientalists held in the IFES RAS on 29--30 November 2018, Moscow: IFES RAS, 2019, 304 p. ISBN 978-5-8381-0348-2

Abstract. The proceedings of the VI International Scientific Conference of Young Orientalists, which was held at the Institute of Far Eastern Studies in November 2018, include papers on different aspects of operation and cooperation of East Asian countries in the changing world. The authors explore important problems of political and economic development of China, Japan, Mongolia, South and North Korea, analyze the influence of internal and external factors on the prospects and key areas of international cooperation in the region and beyond. Considering confrontation trends in the modern world special attention is paid to disputes and directions of competition among East Asian countries and involving other global actors. Several papers are devoted to acute issues of historical, cultural and social heritage of the region's states.

Keywords: East Asia, Russia, China, Korea, Japan, security, cooperation.

Экономика КНР в свете решений XIX съезда КПК

Экономика КНР в свете решений XIX съезда КПК / отв. ред. А.В. Островский; сост. П.Б. Каменнов. М.: ИДВ РАН, 2019. 288 с. ISBN 978-5-8381-0347-5

Аннотация. В сборнике статей, подготовленных на основе докладов участников конференции Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН, состоявшейся в апреле 2018 г., анализируется положение в экономике КНР после XIX съезда КПК (октябрь 2017 г.) в целом и по отраслям, дается оценка перспектив на ближайшие годы. Показано, что снижение темпов ежегодного прироста ВВП с 9–11 % прироста валового внутреннего продукта ежегодно в 2002–2011 гг. до 6,9–7,9 % в 2012–2017 гг. сопровождается оптимизацией экономической структуры, включением в качестве главного двигателя роста инноваций в научно-технической сфере, выходом на 1-е место третьей сферы и

расширения внутреннего спроса. Эти меры позволяют обеспечить устойчивое развитие экономики Китая темпами роста выше среднемировых и последовательно сокращать межрегиональные различия и различия между городом и деревней.

Раскрыто значение проектов «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века» для снижения чрезмерной зависимости Китая от внешней торговли в условиях неустойчивых явлений в мировой экономике. Наряду с этим отмечены сохраняющиеся внутренние проблемы развития, среди которых — демографическая (снижение численности населения в рабочем возрасте), экологическая (критическое ухудшение состояние окружающей среды), нехватка энергетических и некоторых видов минеральных ресурсов, требующих кардинальных решений для обеспечения социальной и внутривластной стабильности.

Ключевые слова: XIX съезд КПК, «новая нормальность», темпы экономического роста, оптимизация экономической структуры, инновации, инвестиции, урбанизация, расширение внутреннего спроса, информатизация, военно-гражданская интеграция, имущественная дифференциация, ликвидация бедности и отсталости, повышение жизненного уровня населения, зависимость от внешней торговли, дефицит ресурсов, обострение демографической и экологической проблем.

The economy of the PRC on the eve of the XIX CPC Congress

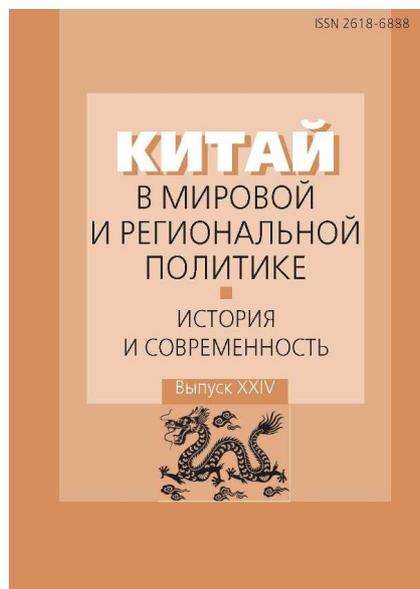
The economy of the PRC on the eve of the XIX Congress of the CPC / ed. in chief A.V. Ostrovskii, ed. P.B. Kamennov. Moscow: IFES RAS, 2019, 288 p. ISBN 978-5-8381-0347-5

Abstract. The collection of articles was prepared on the basis of the reports at the conference of the Center for Chinese Economy and Social Studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. The conference was held in April 2018. The authors of the articles analyzed the situation in the Chinese economy on the eve of the XIX CPC Congress (October 2017). The decrease of the GDP annual growth rates from 9–11 % to 7.8 % in 2012–2017 is accompanied by optimization of economic structure. The main factor of optimization is as follows: the growth of innovation in scientific and technical sphere as the main driver, the development of the third sector, the expansion the emergence of the third sphere and the expansion of domestic demand. These measures help to provide for sustainable development of China's economy by the GDP growth rates more then the world overage and help to reduce interregional differences between urban and rural areas step by step.

The materials in this book analyze the significant of “Economic Belt of the Silk Road” and “Maritime Silk Road of the XXI century”. These projects were envisaged especially to reduce China's excessive dependence on foreign trade under conditions of unstable phenomena in the world economy. Nevertheless the authors of these articles point out internal development problems such as demographic (decrease of the population in the working age), ecological (environment system), a lack of energy decrease and some kinds of mineral resources, which are very important for social and political stability in the PRC.

Keywords: The XIX CPC Congress, “new normality”, the GDP growth rates, innovation in scientific and technical sphere, urbanization, “Economic Belt of the Silk Road”, “Maritime Silk Road of the XXI century”, poverty and backwardness, dependence on foreign trade, lack of resources, the PRC.

Китай в мировой и региональной политике История и современность

Китай в мировой и региональной политике (История и современность). Выпуск XXIV: ежегодное издание / сост., отв. ред. Е.И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2019. 416 с. ISBN 978-5-8381-0355-0.

Аннотация. XXIV выпуск данного ежегодного издания включает статьи сотрудников пяти исследовательских Центров представительство авторов из ИДВ органично дополняется участием приглашенных специалистов из российских и зарубежных исследовательских структур. Книга состоит из трех разделов: «Международные отношения КНР. Российско-китайское стратегическое партнерство», «Внешнеэкономическая политика КНР» и «История российско-китайских отношений и двусторонних экономических связей».

Особенностью XXIV выпуска стало рассмотрение целого ряда аспектов российско-китайского всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия в свете 70-летия установления дипломатических отношений между двумя странами, таких, как сотрудничество в Северо-Восточной Азии и в рамках ШОС по реализации концепции Большого евразийского партнерства и инициативы «Экономический пояс Шелкового пути», а также по линии народной дипломатии. Характеризуется международная активность Китая на различных двусторонних и региональных направлениях, а именно: вероятные перспективы китайско-американского торгового конфликта 2019 г., политика и практическая деятельность КНР на Ближнем и Среднем Востоке, в Южной Азии, в Арктическом регионе, позиция Китая по венесуэльскому кризису. Освещаются вопросы международного значения «китайской модели» реформ, а также особенности внешнеэкономического курса КНР в деле развития международного автомобильного сообщения, позиции КНР на мировом энергетическом рынке, специфика китайского импорта лесопродукции из РФ.

Сборник содержит и статьи на редкие темы из истории внешней политики Китая и российско-китайских экономических связей.

Ключевые слова: Китай, Россия, внешняя политика КНР, российско-китайские отношения, Евразия, Северо-Восточная Азия, китайско-американский торговый конфликт, Арктика, Венесуэла, инициатива «Один пояс, один путь», Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП), Большое евразийское партнерство, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), региональная безопасность, внешнеэкономические связи, история внешней политики Китая.

China in World and Regional Politics History and Modernity

China in World and Regional Politics. History and Modernity. Issue XXIV / ed. E.I. Safronova, Moscow: IFES RAS, 2019, 416 p. ISBN 978-5-8381-0355-0.

Abstract. The XXIV issue of the annual publication includes articles by scientists of five research centers of the Institute of the Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (IFES RAS). The wide range of authors from the IFES is organically complemented by the invited experts representing a number of Russian and foreign research structures. The collection comprises three sections: International relations of China and Russian-Chinese strategic partnership, China's foreign economic policy, History of Russian-Chinese relations and China's foreign economic relations.

The authors continue analyzing most pressing problems of foreign policy and foreign economic relations of China. Special feature of the XXIV issue consists in the consideration of some important aspects of Russia-China comprehensive partnership and strategic cooperation in the light of the 70th anniversary of the establishment of diplomatic relations between the two countries. Topics of the book cover cooperation in North-East Asia and within the SCO on the implementation of Greater Eurasian partnership concept and Silk Road Economic Belt initiative, as well as cooperation in the sphere of people's diplomacy.

China's international activity in various bilateral and regional formats is also characterized: probable consequences of the Sino-American trade conflict of 2019, China's policy and practice in the Middle East, South Asia, the Arctic region, China's position on the Venezuelan crisis. Issues of international significance of the "Chinese model" of reforms, the PRC policy on the development of international road corridors, China's participation in the world energy market and peculiarities of Chinese imports of timber from the RF are covered too.

The book also contains articles on some rare topics on the history of China's foreign policy and Russian-Chinese economic relations as well.

Keywords: China, Russia, China's foreign policy, Russian-Chinese relations, Eurasia, North-East Asia, China-US trade conflict, the Arctic, Venezuela, "One belt, one road" initiative, Silk Road Economic Belt (SREB), Great Eurasian partnership, Shanghai cooperation organization (SCO), regional security, foreign economic relations, history of China's foreign policy.

Редактор раздела: *Пржежецкая Н.В.*

Научное издание

Восточная Азия: факты и аналитика
№ 1, 2019

Редактор:	Богданова А.Н.
Редактор английских текстов:	Горчакова Т.Е.
Редактор:	Надточенко Б.Я.
Редактор:	Потапова В.А.
Редактор:	Пржежецкая Н.В.
Компьютерная вёрстка:	Потапова В.А.
Редактор сайта:	Кзаков О.И.
<hr/>	
Дата публикации:	04.10.2019

Контакты:

- *Адрес:* Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32, ИДВ РАН, Центр научной информации и документации
- *E-mail:* eastasiajournal@mail.ru
- *Тел.:* +7 (499) 124 09 13

Scientific edition

East Asia: Facts and Analytics
No. 1, 2019

Editor:	Bogdanova A.N.
Editor (English):	Gorchakova T.E.
Editor:	Nadtochenko B.Ya.
Editor:	Potapova V.A.
Editor:	Przhezhetskaya N.V.
Layout:	Potapova V.A.
Web-Site editor:	Kazakov O.I.
<hr/>	
Date of issue:	4 October 2019

Contacts:

- *Address:* Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation
- *E-mail:* eastasiajournal@mail.ru
- *Tel.:* +7 (499) 124 09 13 (Center for Scientific Information and Records, IFES RAS)

www.ifes-ras.ru/ea

